

АЛОЕ ВОССТАНИЕ

ПИРС БРАУН

Безупречный дебют в духе «Голодных игр» Сьюзен Коллинз
и «Игры Эндера» Орсона Скотта Карда!

Сага об Алом восстании переведена на 34 языка и издана в 36 странах!

Только в США продано свыше 2 000 000 экземпляров книг саги!

Пирс Браун
Алое восстание
Серия «5-я волна»
Серия «Алое восстание», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12113942

*Пирс Браун. Алое восстание: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10671-0*

Аннотация

Земля умирает, и только колонизация ближнего космоса дает человечеству шанс на спасение. Пять веков назад в опасные марсианские недра спустились люди, чтобы добыть драгоценный гелий-3, необходимый для терраформирования планеты. Эта каста, называющая себя алой, верит, что ее подвиг не пропадет зря и потомки будут жить наверху, как в раю.

Однажды Дэрроу узнает, что все это неправда. Поверхность Марса давно благоустроена, на ней уже сменилось несколько поколений золотой касты. Этот факт тщательно скрывается от алых, которых золотые считают безмозглыми рабочими муравьями, обреченными рождаться и умирать на подземной каторге, чтобы обеспечивать безбедное существование «сверхчеловекам».

С помощью группы заговорщиков молодой шахтер пробирается наверх, намереваясь разрушить власть угнетателей изнутри...

Впервые на русском!

Содержит нецензурную брань

Содержание

Благодарности	7
Часть I	10
1	10
2	20
3	33
4	44
5	56
6	67
Часть II	77
7	77
8	83
9	95
10	101
11	114
12	119
13	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Пирс Браун

Алое восстание

*Посвящается моему отцу, который научил меня
ходить*

Pierce Brown

RED RISING

Copyright © 2013 by Pierce Brown

Map copyright © 2014 by Joel Daniel Phillips

All rights reserved

© А. Круглов, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Детство Пирса Брауна проходило в шести лесистых штатах и в двух пустынных; там и там он возводил крепости и подстраивал ловушки сверстникам. Закончив в 2010-м колледж, Пирс увлекся идеей продолжить обучение в «Хогвартсе», знаменитой школе волшебников. К сожалению, у него не обнаружилось серьезного магического таланта. Зато об-

наружился талант литературный, и пока молодой писатель его возвращал и совершенствовал, ему довелось потрудиться стартап-менеджером в Интернете, работником на подхвате в студии Уолта Диснея, пройти стажировку в телевизионной сети NBC и выдержать бессонные ночи в роли помощника претендента на сенатское кресло. Сейчас он живет в Лос-Анджелесе и пишет книги о космических кораблях, колдунах и нечистой силе и о многом другом – таинственном, загадочном, волнующем воображение.

Динамичная, увлекательная, хорошо написанная книга – из тех, которые невозможно отложить недочитанными. Мне уже не терпится увидеть ее продолжение.

Терри Брукс

Идеально подходящий для Голливуда роман, богатый волнующими приключениями.

Publisher's Weekly

Книга захватывает, и хочется поскорее узнать, что будет дальше.

Library Journal

Эндер, Китнисс, а теперь и Дэрроу.

Скотт Сиглер, автор бестселлера «Инфицированные»

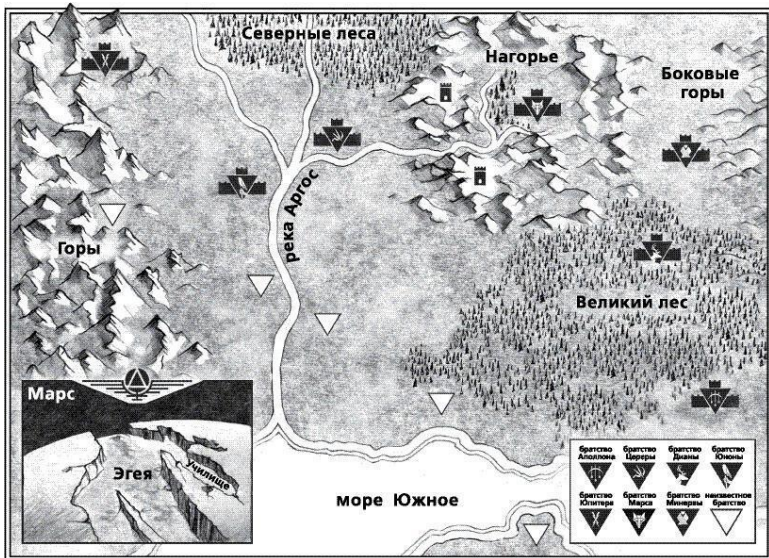
Благодарности

Если главные инструменты писателя – его мозг и сердце, то хочу поблагодарить Аарона Филлипса, Ханну Боумэн и Майка Брэффа. Своими мудрыми советами вы до блеска полировали мой мозг.

Также спасибо моим родителям, сестре и друзьям, а еще клану Филлипсов, – ваша любовь и верность оберегала мое сердце.

И конечно же, я признателен читателям. Надеюсь, вам понравятся мои книги.

* * *

Я хотел мира, но враги навязали мне войну.

Двенадцать сотен их самых сильных сынов и дочерей внимают суровому вождю золотой касты, стоящему между огромными мраморными колоннами. Слушают слова чудовища, которое разожгло пламя, пожирающее мое сердце.

– Люди не сотворены равными! – объявляет он, высокий, властный, с гордой осанкой. – Кроткие не наследуют землю – это рассказы слабаков, привыкших жить за счет сильных. Сладкая ложь демократии, которая разъела человечество, словно раковая опухоль.

Орлиный взгляд вождя впивается в лица курсантов.

– Мы с вами – золото нации, высшая точка эволюции! – продолжает он. – Мы возвышаемся над болотом людской биомассы, указывая путь низшим цветам. Вам предстоит унаследовать эту благородную миссию, – оратор делает паузу, снова обводя взглядом слушателей, – но не даром! Власть не достается просто так. Богатство надо заслужить. Право владеть и повелевать покупается кровью. Изнеженным детишкам не положено ничего. Вы не испытали боли, не работали шрамов, не знаете, чем жертвовали ваши предки, чтобы вознести вас на вершину... но скоро узнаете. Мы заставим вас понять, почему власть принадлежит золотым. И выживут только те из вас, кто достоин этой власти!

Но я не золотой. Я алый.

Он считает таких, как я, слабаками – тупыми, жалкими недочеловеками. Мы не росли во дворцах, не катались верхом по зеленым лугам, не лакомились паштетом из соловьиных языков. Я выкован в самых недрах этой суровой планеты, меня закалила ненависть, укрепила любовь.

Он ошибается.

Из них не выживет никто.

Часть I

Раб

На Марсе растет цветок – алый, жесткий, привыкший к ржавой бесплодной почве. Он называется гемантус, что значит «кровавый цветок».

1

Проходчик

Я сын своего отца – это первое, что вам следует обо мне знать. Когда за ним пришли, я сделал, как он просил: не заплакал – ни когда арест показывали по телевизору, ни когда золотые судили его, ни когда серые вешали. Мать даже ударила меня за это. Стойкость должен был проявить старший брат Киран, а младшему положено реветь. Все получилось ровно наоборот. Когда крошка Эо подбежала и бросила цветок гемантуса в левый сапог моего отца, а затем вернулась к своей семье, брат разревелся, как девчонка. Сестричка Лианна всхлипывала рядом, что-то бормоча, и только я молча смотрел и думал, как плохо умирать, танцуя без бальных туфель.

Сила тяжести на Марсе невелика, и чтобы петля сломала шею, приходится тянуть за ноги. Это разрешают сделать родным.

* * *

Собственная вонь бьет в нос. Скафандр-печка из нанопластика покрывает меня с головы до ног, ничего не пропуская ни внутрь, ни наружу – прежде всего тепло. Хуже всего то, что в таком скафандре невозможно вытереть пот со лба. Он пропитывает головную повязку и чертовски жжет глаза, а потом стекает вниз и хлопает в ногах, смешиваясь с мочой, – ну да, а куда деваться? Прикладываться к водяной трубке приходится часто – в скафандре жарко, как в печке, а возиться с мочеприемником неохота. Уж лучше пускай воняет.

Слушая в наушниках болтовню забойщиков, я сижу, прижатый ремнями к креслу на вершущке гигантской металлической клешни, которая вгрызается в грунт на дне глубокой вертикальной штольни. Мои пальцы в перчатках-манипуляторах управляют десятком щупалец, плавающих и сверлящих горную породу в сотне метров под моим креслом. Говорят, пальцы проходчика должны мелькать, как языки пламени. Мои движутся еще быстрее.

В ушах звучат голоса, но здесь, на глубине, я один. Нескончаемая вибрация, эхо собственного дыхания и густая, жаркая обволакивающая вонь.

Струйка соленого пота из-под алой повязки на лбу то и дело заливает воспаленные глаза, покрасневшие в тон рыжим волосам. Машинально поднимаю руку, но натыкаюсь на стекло лицевого щитка. Три года работы проходчиком так и не отучили меня от привычки вытирать пот со лба.

Стены штольни в сиянии круговых фонарей вспыхивают серно-желтыми маслянистыми бликами. Выше, куда не достает свет, блестят жидким серебром прожилки бесценного гелия-3, но я смотрю не туда, а вглядываюсь в тень, выискивая хищные кольца рудничных гадюк, привлеченных жаром работающего агрегата. Им ничего не стоит прогрызть тонкий пластик, а затем и тело, чтобы отложить яйца в еще теплый человеческий живот. Я хорошо знаю, что такое змеиный укус, и бархатно-черные скользящие силуэты – частые гости моих ночных кошмаров. Гадюки вырастают до огромных размеров, толще бедра и втрое длиннее человеческого роста, но страшнее всего, как ни странно, детеныши, потому что еще не научились экономить яд. Предки этих змей, как и наши, прибыли сюда с Земли, но жизнь в темных недрах Марса изменила их.

Здесь, на глубине, жутковато. Одиноко. Голоса в наушниках перекрывают скрежет буровых коронок, но мои старшие друзья-забойщики далеко отсюда, где-то там, во тьме над моей головой. Вооруженные бурами, они висят на тросах вокруг устья пробитой мною штольни, разрабатывая мелкие жилы гелия-3. Их работа также требует ловкости и навыка,

но главный добытчик в команде все же я. Проходчик. Эта профессия – для людей особого склада, и мастеров моложе меня никто не припомнит.

Я в шахте уже три года, а берут на работу с тринадцати. Готов и в постель и в артель, как говорит дядька Нэрол, – ну, не знаю, женился-то я всего полгода назад.

Охватываю щупальцами новую жилу, бережно размягчая и выскребая пустую породу вокруг, гляжу на дисплей, но в мыслях теперь одна только Эо. Иногда трудно представить ее себе иной, чем в детстве, – крошка Эо, окутанная облаком рыжих волос того же красноватого оттенка ржавчины, что и наш родной Марс. Как и я, шестнадцатилетняя, она тоже принадлежит к одному из шахтерских кланов алых, но кажется рожденной из воздуха, из того небесного эфира, на котором вытканы звездные узоры. Впрочем, не знаю, какие они, – ни один алый из шахтерских колоний ни разу не видел звезд.

Крошка Эо. Ее собирались выдать замуж в четырнадцать, как всех, но она предпочла дожидаться меня и надеть на палец обручальную ленту в шестнадцать, когда наступает брачный возраст у мужчин. По ее словам, она с детства знала, что мы поженимся. Я не знал.

– Стой. Стой! – Голос дядьки Нэрола в наушниках прерывает мои мысли. – Дэрроу! Погоди, парень!

Мои пальцы замирают. Нэрол высоко наверху, с остальными, видит мое продвижение на дисплее своего шлема.

– Что там еще? – спрашиваю недовольно. Не люблю, когда отвлекают.

– Парнишке интересно, что там еще, – усмехается старик Барлоу.

– Газовый карман – вот что! – огрызается Нэрол. Он старшина нашей бригады из двух сотен человек. – Стой, говорят тебе! Вызовем группу сканирования, пускай проверят, пока ты не взорвал нас тут, на хрен.

– Что? – возмущаюсь я. – Газовый карман? Да это газовый прыщ, а не карман! Сам справлюсь.

– В шахте без году неделя, а уже выпендривается, засранец... – сухо продолжает Барлоу. – Вспомни слова наших золотых вождей: «Молодым следует слушаться старших. Без терпения нет доблести, без послушания – истинной человечности!»

Я закатываю глаза. Сперва научитесь делать то, что я, а потом толкуйте о послушании! У самих ни реакции, ни мозгов, и меня хотите видеть таким же, особенно дядька.

– Да что время тянуть, – возмущаюсь, – я только разошелся! Если думаете, что там карман, я сам сейчас туда метнусь и проверю все ручным сканером.

Старики вечно твердят об осторожности, как будто она им хоть раз помогла. Мы не получали лавров уже невесть сколько лет.

– Хочешь оставить Эо вдовой, сынок? – доносится сквозь помехи трескучий смешок Барлоу. – Ладно, не возражаю,

она хорошенькая. Давай вскрывай карман. Так и быть, займись вдовушкой. Я хоть и старый да толстый, а шурф-другой еще пробую.

Его слова встречает дружный хохот двух сотен глоток наверху. Костяшки на моих пальцах белеют – так сильно я сжимаю кулаки.

– Слушай дядьку Нэрола, Дэрроу! Пусть карманом займутся сканировщики, – говорит Киран. Старше меня всего на три года и уже считает себя ветераном. А на самом деле только и умеет, что осторожничать. – Не гони, успеется.

– Успеется? Полсмены коту под хвост! – шиплю я в бешенстве. Кретины неповоротливые, никак не хотят понять, что лавры – вот они, рядом, достаточно руку протянуть. Не верят мне. – Трусишь, Нэрол?

В наушниках повисает тишина.

Назвать собеседника трусом – не самый лучший способ склонить его на свою сторону. Зря я это сказал.

– Да пускай его сам измерит! – встречает Лоран, сын Нэрола, мой двоюродный брат. – Не то лавры снова достанутся Гамме. Сто раз уже нас обходили.

Лавры! Одни на две дюжины кланов в шахтерской колонии Ликос, всего раз в квартал. Лавры – это жвачка от пуза, курица сколько хошь, импортные одеяла с Земли, казенное бухло с акцизной маркой Сообщества, а главное – почет! О победе мечтает каждый, но с незапамятных времен лавры загребает Гамма, а кланам пожиже, вроде нашего, остаются

объедки, только чтоб ноги не протянуть. Эо говорит, что лавры – они как морковка, которой начальство трясет у нас перед носом – чтобы тянулись вперед, а достать не могли. Нас называют первопроходцами, но Эо говорит, мы рабы. Только я думаю, мы просто никогда не старались всерьез, боялись рискнуть – и все из-за этих стариков!

– Лоран, заткни пасть! – рычит дядька Нэрол. – Рванет карман, не видать нам этих чертовых лавров до второго пришествия.

Язык у него заплетается. Я почти ощущаю, как от него несет перегаром, несмотря на расстояние и шлем. Нэрол хочет вызвать специалистов, чтобы прикрыть свою задницу. Трус и алкаш, всегда таким был. Кого тут бояться? наших золотых правителей или их серых подручных? Кто узнает? Да никто. Кому это вообще интересно? Да никому. Единственного, кого волновали дела моего дядьки, он сам держал за ноги во время казни.

Нэрол – слабак, бледная тень моего отца. Жалкий пропойца и дристун, он даже моргает словно бы украдкой, а потом поднимает веки медленно и осторожно, как будто опасается глядеть на мир. Ему нельзя доверять ни в нашей работе, ни в чем бы то ни было. Мать все твердит, чтобы я его слушался и вообще уважал старших. Пускай я уже семейный и стал проходчиком своего клана, но, как она говорит, «пузыри на коже еще не стали мозолями». Что поделаешь, слушаюсь... Но как же это бесит – хуже, чем едкий пот, который не смах-

нешь с лица!

– Ладно, – угрюмо бормочу я, сжимая кулаки и останавливая щупальца агрегата, пока дядька вызывает начальство из своей уютной кабинки в устье штольни.

Теперь остается только сидеть и ждать... От скуки начинаю считать в уме. До конца смены восемь часов, и чтобы обойти Гамму, мне надо выдавать 156,5 килограмма в час. У сканировщиков на все про все уйдет как минимум часа два с половиной, и выработку в оставшееся время придется поднять до 227 килограммов. Немыслимо. Зато если спуститься самому... тогда лавры точно будут наши!

Интересно, сами-то Нэрол с Барлоу прикинули цифры? Небось в курсе, просто рисковать не хотят, надеются на везение. Вот почему лавры у Гаммы и всегда у нее будут, а наша Лямбда вечно ошивается в середнячках, едва наскребаем на базовый минимум. Ни то ни се, зато осторожности полные штаны. Каждому свое, сложившийся порядок расшатывать опасно – мой отец уже убедился в этом, танцуя в петле.

Ради чего вообще стоит рисковать жизнью? Трогаю обручальную ленту из волос и шелка, висящую на шее, и думаю о торчащих ребрах Эо.

К концу месяца они станут еще заметнее, и моя жена снова пойдет побираться по богатым семьям Гаммы, а я буду делать вид, что ничего не знаю. Никогда не наедаюсь досыта, хотя ем много – мне шестнадцать, я еще расту, – а Эо вечно прикидывается, что не хочет. Есть женщины, которые

за жратву и цапки продаются крабам – это прозвище серой охраны из гарнизона шахты, – но моя жена не такая. Она не отдаст свое тело, даже чтобы накормить меня... или отдаст? Я бы лично пошел на все, чтобы накормить ее...

Вытянув шею, заглядываю через борт кресла в глубину штольни. Падать придется долго, дно пышет жаром буровых коронок и расплавленной породы. Мысли скачут и путаются в голове, но пальцы, словно сами по себе, уже отстегивают ремни, и я прыгаю со сканером в руке в стометровую пропасть, где поблескивают замершие щупальца агрегата. Чтобы замедлить падение, поочередно отталкиваюсь ногами от стены и вибрирующего корпуса машины, опасно оглядываясь, нет ли поблизости гадючьего гнезда. Наконец выбрасываю руку и хватаюсь за торчащую скобу прямо над раскаленным докрасна металлом. Воздух вокруг дрожит и мерцает. Жар обжигает лицо под щитком, бьет по глазам, отдаваясь болью во всем теле. Малейшая неосторожность, и от меня не останется даже костей. Только осторожность мне ни к чему, я ловкий.

Перебирая руками скобы, медленно спускаюсь ногами вперед в узкий промежуток между щупальцами, чтобы подвести ствол сканера поближе к газовому карману. Жар становится все сильнее, воздух обжигает легкие, дышать почти невозможно. Зря я сюда полез... Голоса в наушниках орут, перебивая друг друга. Наконец, едва не задев горячий металл, подбираюсь к карману... сканер мигает, считывая

показания... Что-то бурлит, в нос шибает сладковатая гарь – закипает пластик скафандра. Для проходчика этот запах означает смерть.

2

Поселок

Нанопластик скафандра не справляется с такими температурами. Внешний слой уже почти расплавился, скоро придет очередь и до внутреннего. Я едва замечаю, как лампочка сканера вспыхивает серебристым светом – готово. В глазах мутится. Сжавшись от страха, снова перебираю скобы, подтягиваясь вверх, подальше от убийственного жара. Что-то не пускает... зацепился ногой. К горлу подступает паника, смотрю вниз и вижу, как плавится толстая подошва сапога. Первый слой уже расплавился, второй вздулся пузырями, следующей станет моя кожа.

Усилием воли подавляю крик, рвущийся из груди. И тут я вспоминаю о тесаке. Он висит в ножнах на спине – длинный, массивный, изогнутый полумесяцем. Как раз для таких случаев – если надо, можно отхватить ногу. Рукоятка массивная, ухватистая, чтобы не выронить из трясущихся от страха рук. Мои не трясутся – я трижды провожу тесаком по сапогу, отрезая нанопластик вместо собственной ноги. Наклоняясь, я отрываю подошву и случайно задеваю костяшками пальцев буровую коронку щупальца. Острая боль пронизывает руку до самого плеча, в нос бьет запах паленой плоти, но я уже карабкаюсь все дальше и дальше от этого адского пекла, назад к своему насесту, хохоча во все горло, чтобы не разреветься.

Дядька был прав, а я нет. Только будь я проклят, если это признаю.

– Идиот! – Самый доброжелательный из его комментариев.

– Сумасшедший! Чертов псих! – орет Лоран.

– Остаточный газ, – сухо докладываю я, – иду глубже.

Когда свисток возвещает о конце работы, стволовые спускают трос. Устало выбираюсь из ремней и пристегиваюсь к нему, оставляя агрегат на попечение ночной смены. Взрываю на километровую высоту к устью штольни, потом, сжимая зубы от боли в руке, ковыляю вслед за Кираном и Лораном по гулким пещерам нового горизонта к гравилифту, где уже собрались остальные. Желтые фонари свисают с потолка, словно пауки.

Мой клан и три сотни шахтеров Гаммы уже стоят, заправив носы сапог под стальную решетку на полу огромного прямоугольного гравилифта. Избегая бешеного взгляда дядьки Нэрола и пряча обожженную руку, встаю в строй. Молодежь одобрительно похлопывает меня по спине: они знают мою выработку – она больше, чем у Гаммы. А старые пердуны лишь ворчат и считают нас дураками.

Гравитация переворачивается, лифт взлетает вверх по шестикилометровому главному стволу. Сразу закладывает уши. Какой-то сопляк из Гаммы, явно новичок, позабыл зацепиться за решетку и теперь парит у нас над головами.

– Гляньте-ка, Гамма тут напердела! – хохочет Барлоу.

Хоть оно и мелко, но подловить на чем-нибудь Гамму всегда приятно. У них лавры, они богатенькие, зажрались, вот почему их все презирают. Если мы их теперь обойдем, высмеивать станут нас.

Ладно, хватит. Дергаю мальчишку за штанину и ставлю на пол. Да какой, к чертям, мальчишка – всего на два-три года младше меня.

Чуть не валится с ног от усталости, но при виде моего алого скафандра весь подбирается, отводит глаза – и первым замечает покалеченную руку. Подмигиваю ему – а он небось обосрался от счастья. Я сам, когда впервые встретил проходчика, смотрел на него как на бога.

Того проходчика уже нет в живых.

Наверху скидываем шлемы, с наслаждением вбирая в обожженные легкие свежий прохладный воздух. Просторная станция главного горизонта быстро наполняется вонью мочи и пропотевших тел. Вокруг – сталь и бетон, в стороне – магнитные рельсы, над которыми мигают предупредительные огни.

С Гаммой не смешиваемся, каждая ржаво-красная очередь отмечена своей буквой на спинах. Два алых скафандра проходчиков, еще два темно-алых – бригадиров.

Длинной вереницей шаркаем по цементному полу, заполняя вагоны под зоркими взглядами крабов из охранной роты. Потертые серые панцири крабов выглядят неряшливо под стать длинным патлам, свисающим на глаза. Такая броня

держит удар простого клинка, но не ионного, а импульсное или молекулярное лезвие разрежет ее, как бумагу. Впрочем, подобное оружие мы видим только в кино. Серым не требуется выставлять силу напоказ, дубинки мирно висят на поясе, ими почти не пользуются.

«Послушание – главная добродетель».

Капитан охранников Страшила Дэн, редкостная мразь, поднимает камушек и швыряет в меня. Лицо у него загорелое, но волосы тускло-серые, как у всей касты. Глаза – будто пара льдинок среди пепла. Запястья обвивает паучий знак серых. Все крабы грубы и жестоки, но этот хуже остальных. Говорят, Страшила потерял руку на фронте в Евразии, не знаю, где это. Платить за новую никто не стал, и его взяли к нам в охрану. Дали протез старой модели, которого он стесняется. Я всякий раз нарочно бросаю взгляд на эту руку.

– Похоже, у тебя выдался интересный денек, приятель? – Голос у Страшилы гнусавый и какой-то затхлый, как воздух внутри моего скафандра. – Ты у нас теперь герой, Дэрроу? Я всегда знал, что ты смельчак.

– Это ты герой. – Киваю на протез.

– Еще и умник, да?

– Просто алый.

– Привет твоей птичке, – скалится он, сально облизываясь, – у нее есть за что подержаться... хоть и ржавенькая.

– В жизни не видал птиц, разве что на видео.

– Да что ты говоришь? – смеется Страшила и тут же хму-

рится, когда я отворачиваюсь. – Эй, ты куда? Думаешь, развалишься от лишнего поклона высшим? – Он подмигивает своим парням.

Я низко кланяюсь, замечая краем глаза, как кривится дядька Нэрол.

Очередь движется, оцепление остается позади. Мне ничего не стоит поклониться, но если выпадет шанс, перережу Страшиле глотку не задумываясь... Размечтался! Шансов махнуть на Венеру на ракетном корабле всяко больше.

– Эй, Даго! Даго! – окликает Лоран проходчика Гаммы. Даго – человек-легенда. Любому проходчику сто очков вперед даст. Только не мне. – Ты сколько сегодня выдал?

На белесом выдубленном лице Даго мелькает ухмылка.

– Не знаю, – лениво произносит он, затягиваясь и выпуская клуб дыма.

– Да ладно тебе!

– Мне плевать. Кому надо, посчитают.

– А мне не плевать! Сколько у него выработка за последнюю неделю? – Залезая в вагон, Лоран обводит взглядом лица, освещенные огоньками сигарет.

– Девять тысяч восемьсот двадцать один, – гордо выдает кто-то из Гаммы.

С довольной улыбкой я откидываюсь на спинку сиденья. Наши радостно галдят, одни старики хмуро помалкивают. Интересно, что Эо сможет приготовить с сахаром? Нам он никогда не доставался, разве что в карты когда выиграешь. А

еще фрукты! Говорят, за лавры можно получить и их. Хотя фрукты она наверняка раздаст голодным соседским детишкам – назло Сообществу: не нужны, мол, нам ваши подачки. Набить бы сначала брюхо, а потом заниматься политикой. Но Эо просто помешана на своих идеях. А я помешан на ней.

– Все равно хрен выиграете, – ухмыляется Даго, когда вагон трогается с места. – Дэрроу хоть и щенок, но не совсем дурак, он это понимает. Правда, Дэрроу?

– Щенок или не щенок, а задницу тебе надеру! – фыркаю я.

– Ты серьезно, парень?

– Вполне, – подмигиваю я и посылаю ему воздушный поцелуй. – Лавры наши, так и знай. Обрадуй своих сестричек – теперь их черед идти к нам за сахаром.

Наши дружно гогочут, хлопая себя по ляжкам.

Даго хмуро глядит на меня, потом подносит ко рту сигарету и мощно затягивается.

– Это ты! – показывает он мне съезжившийся окурок и отщелкивает в сторону.

* * *

Доехав, выгружаемся и бежим всей толпой в душ. В тесном металлическом ангаре прохладно и сыро. Пахнет так, как и должно пахнуть там, где тысячи мужчин регулярно снимают скафандры, в которых они потели и испражнялись

на протяжении нескольких часов.

Быстро раздеваюсь, нахлобучиваю на голову резиновую шапочку и иду голый к рядам прозрачных кабинок. Шум насосов, общий гвалт, толкотня – каждый стремится пролезть первым. Время веселья и танцев еще не настало, мы едва волочим ноги от усталости, но кое-где в толпе уже слышно, как отбивают ритм тихие хлопки ладоней, сливаясь с шипением воздуха в незамысловатую мелодию.

Дверь с шипением запирается за моей спиной, музыку становится почти не слышно. Душевая кабинка совсем дряхлая, выходные отверстия в полу заросли волосяной коростой, и приходится стоять боком, чтобы не касаться их. Врывает мотор, свистит насос, и мощный поток воздуха, насыщенного антисептиком, обдает меня с головы до ног, смывая пот и грязь. Ощущение не из приятных.

После душа расстаюсь с Лораном и Кираном: они отправляются на форум выпить и поплясать в таверне, пока не начались общие танцы. В полночь объявят, кому достались лавры, их торжественно вручат победителю, а потом крабы станут выдавать пайки. Это праздник для всей дневной смены.

Говорят, бог Марс был отцом слез и врагом музыки и танца. Наша колония была одной из первых, возникших под поверхностью Марса, больше всего мы ценим танцы, пение и свою семью. А на легенды с мифами нам плевать. Начальству нет дела до наших развлечений, лишь бы мы исправно

копали, обустроивая планету для всех остальных, – но чтобы не слишком забывались, одна песня и один танец все-таки запрещены, за них наказывают.

Для моего отца тот танец стал последним, я видел его всего однажды и песню слышал тоже раз в жизни. Я тогда был еще мал и не все понял – что-то про туман, погибшую любовь и жнеца, который уводит в долину снов. Помню, пела женщина во время казни ее сына – он обвинялся в краже продуктов. Он мог бы стать высоким красивым малым, но еды вечно не хватало. Потом умерла и мать. Люди Ликоса проводили их ритуальным плачем, стуча в такт кулаками в грудь – ритм медленно замирал, как удары сердца той женщины, пока не замер совсем.

Он преследовал меня потом всю ночь, я плакал, лежа без сна на холодном полу в нашей тесной кухоньке, и сам себе удивлялся: почему я плакал теперь, а не когда казнили отца? Потом кто-то тихо царапнул дверь, я выглянул и нашел на пороге бутон гемантуса. Вокруг ни души, только следы маленьких ножек на ржаво-красном песке. Это был второй раз, когда Эо принесла цветы к похоронам.

Песни и танцы у нас в крови, и потому совсем не удивительно, что влюбился я как раз на танцах. Она была уже не крошка Эо, а такая, как теперь. Говорит, что сама влюбилась еще раньше, до гибели моего отца, но я – только там, в дыму таверны, где под звон цитры и раскаты бубнов мелькали ее стройные ножки и развевались рыжие волосы. Тогда-то мое

сердце и пропустило пару ударов. Она не делала сальто, не кувыркалась колесом, не пускала пыль в глаза, как остальная молодежь. В ее движениях было столько изящества и достоинства! Без меня Эо ни за что не станет есть. А я без нее не стану жить.

И пускай она подшучивает над моими словами, но в ней сама душа нашего народа. Судьба нас не балует, мы жертвуем собой ради тех, кого не знаем и никогда не видели, – копаем и копаем, готовим Марс для будущих поколений. Немудрено, что все мы немного угрюмы и грубоваты, но доброта моей жены, ее смех и железная воля – то лучшее, что в нас есть.

Эо ждет меня в поселке, где мы живем, в полутора километрах от форума, – одном из двух дюжин поселков, расположенных вокруг и соединенных туннелями. Как и другие, он похож на соты с ячейками, вырубленными в каменных стенах старой пещеры. Камень и земля – это наши стены, полы и потолки. Наш клан – это огромная семья. Эо тоже выросла здесь, буквально в нескольких шагах от моего жилища. Ее братья – такие же, как мои, а отец похож на моего, которого я потерял.

Из переплетения черных и красных проводов наверху свисают лампы, покачиваясь в потоке воздуха, который циркулирует по лабиринту тоннелей. В центре висит прямоугольный ящик с широкими потрепанными экранами на четыре стороны – по ним транслируются передачи Сообщества. И

хотя изображение тусклое и расплывчатое, оно заливает темные входы жилищ собственным бледным светом.

От дна пещеры к нашему дому ведет крутая тропинка, поднимаясь на стометровую высоту. Можно подняться и на механическом лифте, но им пользуются только старики и инвалиды, которых у нас не так уж много. Мы с Эо только недавно получили отдельную комнату. Киран с семейством занимает еще две, а мать с сестрой живут в одной на втором этаже.

Здесь обитает весь клан Лямбда колонии Ликос. Соседние поселки Омеги и Ипсилона – в минуте ходьбы по разные стороны тоннеля. Одна только Гамма расположилась в самом центре, на форуме: над тавернами, мастерскими и лавками. Гарнизонная крепость с казармами крабов – еще выше, под самой поверхностью нашей бесплодной планеты. Там порт, через который с Земли доставляют припасы для нас, пионеров освоения космоса.

Экран над головой показывает картины всяких бедствий, потом под торжественную музыку – этапы славного пути Сообщества. Его эмблема, золотая пирамида в круге с тремя параллельными полосами по граням, вспыхивает крупным планом, и старческий голос верховной правительницы Октавии Луны вещает:

– Начиная с самой зари человечества история нашего биологического вида была омрачена межплеменными войнами. Это была пора суровых испытаний и жертв в попытках раз-

двинуть естественные природные границы, достичь новых рубежей. Теперь, благодаря чувству долга, дисциплине и послушанию, мы достигли единства, но наша борьба не закончена. Сынам и дочерям всех цветов снова предстоит жертвовать собой во имя великой цели. Наступает звездный час, когда лучшие семена нашей цивилизации отправляются в космос, чтобы взойти на Венере, Меркурии, Марсе, спутниках Нептуна и Юпитера.

Ее голос звучит торжественно, а лицо без возраста полно царственного величия. Один лишь длинный шрам, изогнувшийся полумесяцем на правой скуле, нарушает совершенство. Это жестокая, свирепая красота хищной птицы. На запястьях знак золотых – треугольник в круге с крыльями.

– Вы, смелые первопроходцы Марса, сильнейшие представители человечества, жертвуете собой ради прогресса, прокладываете дорогу в будущее. Ваша кровь, ваши жизни – плата за бессмертие человеческой расы, которая наконец вырвалась за пределы родной планеты. Вы проникаете в глубины, недоступные нам, страдаете для того, чтобы не страдали другие. Я восхищаюсь вами, я люблю вас! Гелий-3, который вы добываете, – это источник жизненной энергии для процесса терраформирования. Уже скоро на Красной планете появится воздух и плодородная почва. Поверхность Марса станет пригодной для обитания, и тогда мы, слабые цветы, присоединимся к вам, отважным пионерам, и вознесем вас на ту высоту, которую вы заслужили своим героическим

трудом, под небом, которое создано вами, на земле, пропитанной вашим потом и кровью! Всегда помните: послушание – главная добродетель. Уважение к старшим, готовность к жертвам, подчинение иерархии...

Вхожу в дом. На кухне никого, но из спальни доносится голос жены.

– Стой, где стоишь! – кричит она через дверь. – Не вздумай сюда заглядывать!

– Ладно. – Я останавливаюсь и жду.

Появляется через минуту, смущенная и покрасневшая. Провожу рукой по ее волосам, покрытым пылью и паутиной. Прибежала прямо из ткацкой, где производят бишелк.

– Даже в душ не сходила, – усмехаюсь я.

– Некогда было, пришлось выскочить, взять кое-что.

– И что тебе понадобилось?

– Не забывай, ты не для того женился, чтобы я тебе все рассказывала, – улыбается она. – В ту комнату не ходи.

Делаю выпад к двери. Эо загораживает путь и сдвигает мне головную повязку на глаза. Лбом упирается в грудь. Я со смехом поправляю повязку, беру жену за плечи и заглядываю ей в глаза.

– А то что? – шутливо поднимаю бровь.

Эо лишь молча улыбается, наклонив голову, – и я сдаюсь. Я могу не моргнув нырнуть в адскую горящую пропасть, но знаю, когда нужно остановиться.

– Хороший мальчик, – говорит она, вставая на цыпочки и

целуя меня в нос, – послушный. – Морщится, принимает и наконец замечает мою обожженную руку.

Она не слишком нянчится со мной, но и не ругает, почти ничего не говорит, разве что «потерпи, любимый» с легкой тревогой в голосе. Вынимает из раны оплавленные кусочки пластика и делает перевязку из паутинного шелка с антибиотиками и нейронуклеинами.

– Где ты все это достала? – удивляюсь я.

– Я не читаю тебе нотаций, а ты не задавай вопросов, – фыркает Эо, подставляя губы для поцелуя. Я играю обручальной лентой у нее на пальце, сплетенной из моих волос и шелка. – У меня для тебя сюрприз.

– У меня тоже, – улыбаюсь я, думая о лаврах. Снимаю головную повязку и надеваю ей на голову как алую корону. Эо морщит нос от запаха пота.

– А у меня зато – целых два! Жалко, что ты не знал... а то принес бы мне за это сахарный куб или отрез ткани... а может, даже кофе.

– Ха, кофе! Похоже, ты не из того цвета выбрала мужа.

– Проходчик, он и есть проходчик, – вздыхает Эо. – Дикий, упрямый, легкомысленный...

– Ловкий, – подсказываю с усмешкой, кладя руку ей на бедро.

– Ну, разве что, – фыркает она, смахивая назойливую руку, словно паука. – Все, теперь надень перчатки, чтобы кулачки на форуме не трепали языками. Твоя мать уже там.

3

Лавры

Мы идем рука об руку вместе с другими жителями поселка. По телевизору Октавия Луна все так же изрекает свои вечные истины. На экране мелькают ужасы теракта – погибла команда шахтеров и несколько оранжевых техников. Во взрыве бомбы обвиняют Сынов Ареса, то и дело показывая крупным планом их странный знак – окровавленный шлем с шипастыми лучами. Показывают изуродованные детские трупы. Жестокие убийцы, сеятели хаоса, Сыны Ареса заочно приговорены к смерти. Серая полиция и солдаты разбирают развалины. Двое черных солдат, ростом в два раза больше моего, переносят тела жертв. Вокруг суетятся желтые медики.

В Ликосе нет террористов, их дурацкая война пока нас не коснулась, но объявление о награде за голову Ареса – вожака – передают каждый день. Сыны Ареса считают, что с нами плохо обращаются, и потому взрывают все подряд – какой в этом смысл? Теракты тормозят прогресс, мешают готовить Марс для других цветов, вредят всему человечеству.

Веселая толпа валит по туннелю в предвкушении праздника. Кто-то заводит песню, остальные подхватывают – о том, как парень нашел свою невесту на золотом лугу. Мальчишки соревнуются, стараясь коснуться рукой потоло-

ка. Разогнавшись, пытаются пробежать по стене или пройти колесом, иногда падают под общий смех. Девчонки не отстают от мальчишек.

Коридор длинный, под потолком вдоль дороги горят лампы. Впереди подвыпивший дядька Нэрол – старик тридцати пяти лет – наигрывает на цитре. Детишки радостно пляшут у его ног. Даже ему сегодня трудно хмуриться. Инструмент подвешен на ремне, упирается в бедро; пластиковая дека с туго натянутыми струнами смотрит вверх. Правый большой палец бренчит по струнам, изредка помогая указательному выводить мелодию, левая рука ведет басовую линию. У меня никогда не получалось заставить цитру звучать жизнерадостно, а дядька Нэрол умеет.

Он когда-то играл и для меня, учил двигаться в такт музыки, потому что отец так и не успел. Даже запрещенный танец показывал, за который казнят. Щелкал по ногам хлыстом, пока не стали выходить как положено все пируэты и сальто с полосой металла в руке вместо меча. Помню, поцеловал меня в лоб и сказал, что я весь в отца. Дядька научил меня двигаться, и это умение всегда приносило мне победу в игре в кошки-мышки и привидения в туннелях.

«Золотые танцуют парами, черные – по трое, серые – дюжинами, – говаривал Нэрол, – и только мы – в одиночку, потому что проходчик всегда один. Только наедине с самим собой мальчик становится мужчиной».

В те славные времена мне и в голову не пришло бы осуж-

дать дядьку за пьянство и морщиться от перегара. Мне тогда было одиннадцать. Всего пять лет назад, а будто целая жизнь прошла.

Товарищи снова хлопают меня по плечам, и даже булочник Варло одобрительно кивает и сует Эо краюшку. Они слышали о лаврах, зуб даю. Эо прячет хлеб под платьем и с любопытством смотрит на меня.

– Чего это ты весь светишься? Признавайся! – Толкает меня локтем в бок, я пожимаю плечами и стараюсь прогнать улыбку, но безуспешно. – Ты явно собой гордишься. – Она подозрительно прищуривается.

Рядом бегут вприпрыжку мои племянники Риган и Иро, дети Кирана. Близнецы, им по три года, уже обгоняют и мать, и бабушку. Та идет впереди с таким видом, словно жизнь уже ничем не сможет ее удивить.

– Обжегся, дорогой? – бросает она небрежно, заметив мои перчатки.

– Да, – отвечает за меня Эо, – большой пузырь.

Мать пожимает плечами:

– С его отцом и похуже бывало.

Обнимаю ее за плечи, сильно исхудавшие с тех пор, как она, по обычаю всех матерей, учила меня песням нашего народа.

– Неужто совсем не беспокоишься? – спрашиваю с усмешкой.

– Беспокоюсь? Я? – смеется она, подставляя щеку для по-

целуя. – Глупенький.

Половина нашего клана на форуме уже лыка не вяжет. Помимо песен и танцев, мы любим выпить. Крабы смотрят на это сквозь пальцы. Если повесить человека ни за что ни про что, народ поворчит да успокоится, но попробуй отнять у нас выпивку, и мы такого натворим, никому мало не покажется. Эо говорит, что грендель-гриб, из которого гонят бухло, не марсианский, а привезен с Земли – нарочно, чтобы легче было держать нас в узде. Каждый раз заводит этот разговор, когда у матери поспевает новая брага, а та, промочив горло, всегда отвечает: «Лучше быть в рабстве у выпивки, чем у людей».

Брагу можно еще подсластить всякими сиропами из праздничных пайков. Есть такие специальные, для алкоголя, со вкусом лесных ягод или корицы. Хорошо бы получить новую цитру, деревянную вместо металлической, – бывает, и такие выдают. Моя совсем старая, зато досталась от отца.

На форуме грохочут барабаны, стонут цитры. Толпа заполняет площадь, радостно устремляясь к тавернам. Здесь и наша Лямбда, и Омега, и Ипсилон. Двери питейных заведений широко раскрыты, оттуда валит дым и слышна музыка. Столы накрыты и снаружи, они стоят по краю, оставляя место для танцев вокруг эшафота с виселицей в центре.

Сам форум многоэтажный и поднимается по спирали вверх. На нижнем уровне – таверны и мастерские, выше начинаются жилые дома Гаммы, потом склады, а под самым

потолком – огромный стальной купол с бронированными иллюминаторами. Мы его зовем «котелок» – это крепость крабов, которые нас пасут. Еще выше – голая марсианская пустыня, которую мы видим только на экранах. Ничего – чем больше добудем гелия-3, тем скорее там можно будет жить.

На площади уже выступают танцоры, жонглеры и певцы. Эо окликает Лорана с Кираном, которые устроились за длинным столом перед входом в таверну «Промочи горло», где ветеран шахты, старый Риппер, всегда угощает друзей и травит байки о прежних временах. Сейчас он уже храпит, уронив голову на стол, – жаль, что не увидит, как нам вручают лавры.

Еды на столах мало, не каждому хватает заморить червячка, так что главное место на празднике занимают выпивка и танцы. Еще не успев усесться за стол, получаю из рук Лорана полную до краев кружку. Он любит кого-нибудь напоить, а потом вязать ему на голову дурацкие ленточки. Для Эо он оставил место рядом со своей женой Дио, они родные сестры и похожи друг на друга почти как близняшки.

Лоран любит Эо, как любил бы ее брат Лиам, но я-то знаю, что когда-то Лоран увлекся моей будущей женой посильнее, чем своей теперешней. Даже предложение делал, когда ей исполнилось четырнадцать, – как, впрочем, и половина наших парней, – но все без толку. Эо сделала свой выбор раз и навсегда.

Дети Кирана лезут к отцу на руки, жена целует его в гу-

бы, Эо – в лоб, шутиливо ероша его рыжую шевелюру. Не понимаю, как нашим женщинам удается так здорово выглядеть после того, как они весь день сматывали паучий шелк в ткацкой. Нас, шахтеров, работа не украшает. Я от рождения был симпатичным, да и ростом вышел. Волосы темно-рыжие, глаза тоже красноватого оттенка – не золотого, как у Октавии Луны. Однако моя белая гладкая кожа теперь уже сильно попорчена шрамами от ожогов и порезов, и скоро я стану немногим лучше Даго, а может, и дядьки Нэрола.

Женщины – совсем другое дело. Несмотря на тяжкий труд и вынашивание детей, они все такие же красотки, живые и задорные. Блузка и юбка ниже колен всегда алые, хоть и разных оттенков, – это цвет нашей касты. А с лентами, бантами и кружевами из праздничных наборов для победителей они станут еще обворожительнее.

Костяной на ощупь круг со стрелой, знак алых, нормально смотрится на руках у меня, но не у Эо. Только глаза и волосы у нее наши, а в остальном она ничем не хуже золотых красоток, которых показывают по телевизору. Улыбаюсь, глядя, как она дает подзатыльник Лорану, который только что осушил залпом кружку маминоного пойла, но моя улыбка тут же тает. За спиной Эо, над кружащимися юбками, топающими ногами и прихлопывающими ладонями танцоров маячат в холодной вышине очертания виселицы, на которой болтается одинокий скелет. Все давно привыкли и даже не смотрят в ту сторону, но для меня эта тень – вечное напоминание

о печальной судьбе отца.

Хоть мы и роемся всю жизнь в земле, хоронить своих мертвецов нам самим не позволяют, таков закон Сообщества. Отец провисел два месяца, прежде чем его кости сняли и закопали в марсианской пыли. Мне тогда было всего шесть, но я пытался снять его с виселицы в первый же день. Дядька Нэрол остановил меня, и я долго злился на него за это, а позже возненавидел, но за другое. Мой дядька – слабак. Отец хотя бы умер за что-то, а он со своим пьянством растратил жизнь впустую. «Нэрол – лучший из моих братьев, – говорил отец, – самый способный и честный, хоть и дурной». Теперь он лишь последний из братьев.

Никто не мог ожидать, что моему отцу доведется сплясать в петле. Он был мирным человеком и все споры старался решать словами. Его оружием были мечты о свободе, об уважении к нашим обычаям, но в памяти людей остался только «бунт плясунов», который закончился виселицей. Девять человек разом корчились и сучили ногами, исполняя танец смерти. Отец умер последним.

Да и бунта особенного они не затевали, все было мирно: просили увеличить пайки, только и всего. Остановили проходческие агрегаты и исполнили запрещенный танец на площадке гравелифтов. Однако их замысел не сработал: наесться вдоволь можно, только выиграв лавры.

До полуночи остался час, дядька Нэрол устал, и присел со своей цитрой к нашему столу, пьяный в доску, и глядит

волком. На меня даже не посмотрел, хотя перекинулся с Эо парой добрых слов. Все любят Эо.

Тут подходит моя теща, целует меня в макушку и говорит гордо, чтоб все слышали:

– Золотой ты наш мальчик, мы уже слышали! Выиграл для нас лавры! Весь в отца.

Дядьку совсем перекосило, заерзал, отвернулся. А я ему так, с ухмылкой:

– Что, дядя, не сидится? Газы?

Он так и взорвался:

– Ах ты, говнюк! – и кинулся на меня прямо через стол.

Ну, схватились мы, катаемся клубком по полу, мутузим друг друга кулаками. Нэрол здоровенный, тяжелее меня, но все равно в конце концов я оказался сверху и успел расквасить ему нос большой рукой, пока отец Эо и Киран нас не растащили. Нэрол плюнул в меня и уселся с кружкой на другом конце стола. Мать закатывает глаза, а Лоран хихикает потихоньку:

– Просто стыдно ему, что для лавров ни хрена не сделал.

– Трус хренов! Да ему поднеси их на блюдечке, руку побойтся протянуть, – сплевываю я.

Тесть украдкой хлопает меня по спине и подмигивает. Эо тем временем сменила мне повязку, и я снова надел перчатку. Как ни странно, особой радости по поводу лавров у нее на лице не видно, только раз улыбнулась, вертя в руках край юбки, но и улыбка была какая-то кривая. Не понимаю, че-

го она так боится. Даже другие кланы радуются, от них то и дело подходят с поздравлениями. Уже все проходчики побывали у нас, за исключением Даго. Он так и сидит со своими, покуривая. Угощение у Гаммы не чета нашему, столы ломаются, закусок больше, чем выпивки.

– Погоди, урод, скоро перейдешь на паек, – злорадствует Лоран. – Небось в жизни не нюхал простой жратвы.

– То-то он такой худенький, – фыркает Киран, вызывая общий хохот.

Я подсовываю жене свой ломтик хлеба:

– Веселей, скоро запируем!

– Спасибо, я не хочу есть.

– Даже хлеба с корицей?

Эо снова улыбается, но все так же кисло, как будто знает что-то, чего не знаю я.

Вот уже и двенадцать пробило. Из «котелка» спускаются крабы. Обутые в гравиботы, они парят в воздухе над нашими головами. Убогие панцири давно не чищены, выправки никакой – все больше мальчишки да старики, ветераны земных войн. Но это не имеет значения, ведь у каждого в кобуре лучевик и дубинка-шокер на поясе. Не то что бы им приходилось когда-нибудь стрелять, мы и так смирные. Все в их руках: воздух, еда, дорога в порт. Нам оружие достать негде, хотя Эо была бы не против стырить где-нибудь лучевик.

Серые спускаются ниже, с ними коротышка из медных – наш начальник шахты и мировой судья Тимони Поджинус.

– Тихо, всем слушать! Кому говорю, ржавье? – рывкает Страшила Дэн.

Танцы и музыка мигом прекращаются, толпа молчит, задрал головы. Гравиботы у Поджинуса старые и шумные, он дергается в воздухе, как паралитик. Из гравифлифта выходят еще крабы. Смешно взмахнув наманикюренными ручками, коротышка начинает свою речь.

– Друзья, соратники, отважные пионеры космоса! – умильно скалится он. – Сколь отраднo наблюдать ваше мирное празднество! Сегодня я с вами всем сердцем – простые напитки, простая пища, простые народные танцы – о, как это прекрасно, как я желал бы к вам присоединиться! Ни один розовый бордель с ветчиной и ананасами не доставит такого наслаждения. Зависть гложет мое сердце, но увы, увы... Мы – медные, и наш жалкий удел – унылая бюрократическая рутина. – Поджинус печально цокает языком и трясет медными кудряшками, переваливаясь с ноги на ногу. – Однако перейдем к делу... На этот раз норму выполнили почти все кланы, за досадным исключением Мю и Хи. В этом месяце они не получают ни мяса, ни молока, ни специй, ни средств гигиены – ничего сверх минимального рациона с овсянкой. К сожалению, объемы поставок с Земли не беспредельны, и мы не можем расходовать ценные припасы на отстающих. Надеюсь, это послужит уроком и впредь Мю и Хи не будут так лениться...

Они не ленились, они умирали. Эти два клана потеря-

ли больше десятка человек при взрыве газа в шахте. Карман оказался побольше сегодняшнего, которого так испугался дядька Нэрол.

Поджинус продолжает распинаться насчет трудолюбия, потом наконец переходит к главному. Достает лавры – веточку с блестящими позолоченными листьями – и демонстрирует всем, подняв над головой.

Лоран пихает меня в бок, дядька Нэрол снова мрачно кричится. Я гордо выпрямляюсь, ощущая взгляды со всех сторон. Молодежь смотрит с обожанием и завистью: проходчик для них всегда герой, тем более сегодня, – но и старики поглядывают с гордостью. Киваю со сдержанной улыбкой – не прыгать же от радости, как мальчишка.

– Для меня огромная честь, – продолжает тем временем судья, – вручить от имени его светлости Нерона Августуса, лорда-губернатора Марса, почетную награду за наивысшую производительность, непревзойденную стойкость, жертвенность и дисциплину, а также...

Лавры достаются Гамме.

Как всегда.

4

Сюрприз

Пока крабы выдают Гамме коробки с праздничными яствами, я думаю о том, как ловко нас обводят вокруг пальца. Выиграть кому-то другому просто не позволят, и не важно, что арифметика не сходится. Пускай молодые вопят о несправедливости, пускай ворчат старики, уставшие от разочарований, – власти так показывают свою силу. Только они решают, кому достанутся лавры, и побеждают не лучшие, а те, кто рожден для победы. Иерархия прежде всего, она не должна пошатнуться. Старайся сколько угодно, но знай свое место – выше головы не прыгнешь!

Между тем злимся мы не на начальство, не на власти Сообщества, а в первую очередь на Гамму, которой достается самое лучшее. На других злости просто не хватает. Когда у твоих детей выпирают от голода ребра, а сосед обжирается тушенкой и печеньем, вся ненависть достается соседу. Ты надеешься, что он поделится своим куском, но он не станет делиться.

Дядька Нэрол пожимает плечами. Красные от гнева лица, стиснутые зубы. Лоран глядит так, будто готов наброситься на Гамму или на крабов. Мою злость сдерживает Эо. Она знает меня лучше, чем родная мать, и всегда умеет вовремя успокоить. Вот и мамаша с улыбкой смотрит, как Эо ласково

берет меня за руку.

– Потанцуй со мной, – шепчет она, делая знак музыкантам.

Между тем она тоже в бешенстве, уж я-то знаю, и Сообщество ненавидит в сто раз сильнее моего. Как же я люблю ее, мою Эо!

Снова запели цитры, загремели барабаны, с шелестом взвились красные юбки, затопали ноги. Старики за столами захлопали в ладоши, отбивая такт. Взявшись за руки, мы отплясываем до седьмого пота вместе с другими, и яростный гнев уходит, уступая место улыбкам и радостному смеху. Мы с Эо росли вместе и знаем друг друга всю жизнь. В ее глазах я вижу отражение своего сердца, в ее дыхании слышу свою душу. Она для меня – все. Моя Эо, моя любовь.

Смеясь, она тянет меня в сторону. Уворачиваясь от танцующих, выбираемся из толпы, но и тут Эо не останавливается. Под ногами лязгают стальные мостки, над головой – темный потолок. Она влечет меня в сторону старых туннелей, к ткацкой, где работают женщины. Сейчас у них пересменка.

– Куда мы? – спрашиваю.

– Если помнишь, я обещала тебе сюрприз... И если начнешь извиняться за то, что твой сюрприз не удался, – получишь по шее.

Из расщелины в стене торчит росток гемантуса с кроваво-красным бутонем. Срываю цветок и протягиваю Эо:

– Вот мой сюрприз. Хотел тебя удивить.

– Ладно, – смеется она, – серединка моя, а лепестки твои. Только не отрывай сразу!

Нюхаю цветок у нее в руке. Пахнет ржавчиной и материнской пустой похлебкой.

В ткацкой повсюду, куда ни глянь, здоровенные пауки, покрытые густым серовато-бурым мехом. Толстое, с человеческую голову брюхо, смотрится странно на длинных костяных ногах. Пауки сидят на стенах, висят на железных рамах и плетут свою паутину – шелк покрывает все вокруг толстым слоем. Проходя мимо этих тварей, созданных руками гениев Сообщества, я невольно вздрагиваю: рудничные гадюки и то привычнее. Жена хихикает над моими страхами и тянет дальше. Отдирает от стены в углу пыльную паутину, за которой оказывается устье широкой ржавой трубы.

– Вентиляция, – объясняет Эо. – Неделию назад обвалилась штукатурка, а под ней обнаружился ход.

– Эо, нас выпорют, если узнают! Нам не разрешается...

– Я не позволю им испортить еще один подарок! – Гневно сверкнув глазами, она чмокает меня в нос. – Не робей, проходчик, там не сгоришь.

Пробираюсь вслед за ней по тесному петляющему туннелю, который заканчивается решеткой. Дальше темнота и странные звуки – жужжание, шорох. Эо берет меня за руку – хоть что-то знакомое и привычное.

– Что это?

– Животные, – отвечает она и тянет вперед, в непонятную

ночь. Под ногами что-то мягко пружинит, я вздрагиваю, но продолжаю идти. – Трава, Дэрроу! Трава и деревья. Мы в лесу, понимаешь?

Запах цветов, мелькающие огоньки. Мелкие существа со светящимися зелеными телами порхают в сумраке. Радужные крылышки переливаются яркими цветами. Бабочки! Любуюсь, затаив дыхание. Одна пролетает совсем близко, я невольно протягиваю руку. Эо смеется.

Наяву бабочки еще прекраснее. О них мы поем песни, но видели только в фильмах на экране, единственном нашем окошке в многоцветный мир. А так – всю жизнь одни только рыжие скалы, раскаленный докрасна металл, красные скафандры да тускло-серый бетон.

Яркость красок слепит глаза. Я вздрагиваю и, смеясь, пытаюсь схватить насекомых, парящих во мраке передо мной. Поднимаю голову и смотрю вверх через прозрачное стекло купола.

Небо! Когда-то оно было для меня просто словом.

Поверхность планеты отсюда не видна, но звездами можно любоваться сколько угодно. Рассыпанные в черном бархатном небе, они сияют почти так же ярко, как лампы над нашим поселком. Лицо Эо блестит в звездном свете, она светится гордостью, словно все это принадлежит ей. С улыбкой она смотрит, как я падаю на колени и жадно вдыхаю аромат травы. Вслушиваясь в шорохи и жужжание в кустах, притягиваю жену к себе и целую – в первый раз с открытыми гла-

зами. Ветви деревьев плавно покачиваются над головой в потоке воздуха из вентиляции. Впитывая в себя новые звуки и запахи, мы любим друг друга на мягкой травяной постели под крышей из звезд.

– Вон там туманность Андромеды, – чуть позже говорит Эо. Устав, лежим бок о бок, глядя вверх.

Живность о чем-то щебечет в темноте. Высокое небо немного пугает: если смотреть слишком долго, забываешь о гравитации и кажется, что вот-вот упадешь прямо в него. По спине бегут мурашки. Мой дом – пещеры, туннели и штреки. Так и тянет убежать туда, в безопасность глубокой норы, подальше от открытых пространств и незнакомых живых существ.

Эо осторожно проводит рукой по шрамам от ожогов, избородившим мою грудь. Потом трогает след от укуса гадюки на животе.

– Мне мама рассказывала про Андромеду, – объясняет она, – даже рисовала, когда Бридж давал ей краски – ну ты помнишь, тот краб, которому она нравилась.

Она долго молчит, потом вздыхает. Понятно: сейчас будет серьезный разговор. В таком месте трудно удержаться. Наконец начинает:

– Все знают, что лавры положены тебе...

Я лишь отмахиваюсь:

– Не надо меня утешать, я уже не злюсь. Мне все равно. Теперь, когда я увидел это...

– Ты о чем? – возмущается она. – Сейчас как никогда тебе должно быть не все равно. Ты выиграл, а победу у тебя отняли!

– Не важно. Это место...

– Это место существует, Дэрроу, но ходить нам сюда нельзя. Оно только для серых, и делиться они не станут.

– Можно подумать, они должны.

– Да, должны, ведь оно наше!

– Как это? – удивляюсь я.

Моя семья и я сам – вот и все, что мне принадлежит. Всем остальным владеет Сообщество. Оно, а не мы вложило деньги в освоение Марса, отправило сюда людей и технику. Без Сообщества мы остались бы на умирающей Земле вместе с остатками человечества.

– Дэрроу, ну как ты не понимаешь! Совсем, что ли, заржавел? Разве не видишь, что они с нами делают?

– Полегче с выражениями! – хмурюсь я.

Эо опускает глаза:

– Извини, я просто... Только пойми ты наконец: нас держат в цепях! Повторяем громкие слова, а на самом деле мы рабы. Вечно стоим на задних лапках, выпрашивая лишний кусок хлеба.

– Ты можешь считать себя рабыней, – сухо цежу в ответ, – но я не раб. Я ничего не выпрашиваю, а зарабатываю честным трудом. Я проходчик и рожден для того, чтобы обустроить Марс для людей, и готов жертвовать собой. Без терпе-

ния нет доблести...

– Что ты повторяешь эту чушь, словно попугай! – всплескивает руками Эо. – Вот твой отец имел право говорить о доблести... Хоть и он не идеален, но, по крайней мере, имел на это право. – В сердцах она дергает пучок травы, вырывая из земли. Я вздрагиваю, как от боли, словно при виде святотатства. – Это наша земля, Дэрроу, потому что она полита нашим потом и кровью! Сообщество, золотые прибрали ее к рукам. Сколько лет уже это продолжается? Сто? Сто пятьдесят лет мы роем шахты и умираем в них? Наша кровь и их приказы. Мы готовим планету для тех, кто для этого пальцем не пошевелил. Для тех, кто даже ни разу не был на Марсе, а нежится у себя во дворцах там, на Земле. Это за них ты готов жертвовать собой? Повторюсь, твой отец хотя бы имел право.

Я качаю головой:

– Мой отец не дожил до двадцати пяти из-за этого чертова права.

– Он был слаб!

– Что ты, черт возьми, хочешь этим сказать? – Кровь бросается мне в лицо.

– То, что он слишком сдерживал себя! Мечты у него были правильные, но драться, чтобы воплотить их в реальность, он не решился.

– Ему надо было думать о семье!

– Он был слабее тебя.

– Осторожнее!

– Осторожнее? И это говорит мне Дэрроу, отчаянный проходчик из Ликоса? – усмехается Эо. – Да, твой отец был осторожным, послушным... а ты? Когда я выходила за тебя, то не считала осторожным. Другие говорят, что ты просто не чувствуешь страха. Они ошибаются. Ты боишься, и еще как!

Во внезапном порыве нежности она проводит бутоном гемантуса по моей груди. Цветок того же цвета, что обручальная лента на пальце. Я оборачиваюсь, опершись на локоть:

– Выкладывай, чего ты хочешь?

Эо вздыхает:

– Знаешь, за что я люблю тебя, проходчик?

– За чувство юмора, – хмыкаю я.

– За то, что ты надеялся выиграть лавры, – усмехается она, – думал, что сможешь. Киран рассказал, откуда твой сегодняшний ожог.

– Вот урод, язык как помело... Тоже мне, старший брат!

– Киран испугался, Дэрроу. Не за тебя, не думай. Он тебя испугался, потому что сам на такое не способен. Ему бы это и в голову не пришло.

Вот вечно она кругами ходит! Нет чтобы прямо сказать...

– Значит, любишь за то, что готов идти на риск? За честолюбие?

– За твои мозги, Дэрроу.

Вздыхаю, спрашиваю снова:

– Так чего ты от меня хочешь, Эо?

– Больших дел. Хочу, чтоб ты осуществил мечты отца. Сам же видишь, как люди смотрят на тебя, видят в тебе пример. Ты особенный, Дэрроу... И ты должен понять, что ради свободы на собственной земле стоит рискнуть.

– Чем?

– Своей жизнью – и моей тоже.

– Так не терпится избавиться от меня? – улыбаюсь я, но Эо не до шуток.

– Они станут слушать тебя, пойдут за тобой! – горячо убеждает она. – Это же проще простого, вот увидишь! Люди только и ждут, что кто-то выведет их на свет.

– Отлично, пойдём в петлю все вместе! Я же сын своего отца...

– Тебя не повесят!

Я горько усмехаюсь:

– Моя жена – ясновидящая? Еще как повесят!

– Простое мученичество не для тебя... – Вздыхая, Эо откидывается на спину. – В нем нет смысла, а ты умный.

– Хм... Ну, раз так, объясни мне, для чего стоит рисковать жизнью. Вот я сын мученика – скажи, чего он добился, оставив меня безотцовщиной? На кой хрен вся эта история, кому пошла на пользу его пустая смерть? По-твоему, хорошо, что учить меня танцевать пришлось дядьке? Еды у нас стало больше, жить стало легче? Да будут прокляты эти мечты, они лишили нас его смеха! – Я стискиваю зубы, слезы жгут глаза. – Мы потеряли отца, мужа, брата... Жизнь – она во-

обще несправедлива, так почему бы не позаботиться о своей семье, и на хрен все остальное!

Эо молчит, нервно облизывая губы. Потом отвечает:

– А кому на пользу жизнь в рабстве? Сколько можно жить в цепях страха, под вечной тенью виселицы? Только разорвав эти цепи, мы избавимся от власти золотых! Марс уже давно мог стать нашим, принадлежать тем, кто трудится и умирает здесь... – Небо над стеклянным куполом светлеет, теперь лучше видно ее разгоряченное лицо. – Если ты поведешь народ к свободе... Ты только представь, чего можно было бы добиться, сколько всего изменить! – Глаза Эо вдохновенно блестят, на губах играет улыбка. – Тебе так много дано, ты рожден для великих дел, но летаешь слишком низко.

Мрачно киваю:

– Угу, старая песня... Ты считаешь, что за мечту стоит умереть, а я – нет. Говоришь, лучше умереть стоя, только я согласен жить на коленях.

– По-твоему, это жизнь? – фыркает она. – Мы – люди-машины с механическими мозгами...

– И механическим сердцем?

– Дэрроу...

– Для чего ты сама живешь? Для меня, для семьи или ради какой-то там мечты?

– Не какой-то, Дэрроу. Я мечтаю, чтобы мои дети родились свободными! Чтобы сами выбирали, кем стать. Чтобы

владели землей, доставшейся им от отца.

– А я живу для тебя, – печально говорю я.

Эо целует меня в щеку:

– Живи для большего.

Молчание – долгое и тягостное. Она даже не поняла, что разбивает мне сердце такими словами. Выходит, не любит меня так, как я ее? Да где ей понять, она витает в облаках... а я летаю слишком низко. Не гожусь для нее?

– Ты что-то говорила про еще один сюрприз? – спрашиваю, меняя тему.

– Да ладно, успеется. Глянь-ка лучше туда, солнце всходит!

Мы молча лежим и наблюдаем, как огненно-алый свет выплескивается из-за горизонта. О таком зрелище мне даже мечтать не приходилось, это похоже на волшебный сон. Мир вокруг становится все ярче, наливаясь зелеными, желтыми и бурыми оттенками. От невероятной красоты слезы наворачиваются на глаза.

Молча пробираемся назад в гулкой тьме воздуховода. Слезы восторга высыхают, чудесные картины увиденного понемногу тускнеют. Интересно, чего она от меня добивается? Чтобы я взял тесак и поднял бунт? Тогда мы все умрем, я и все мои родные. И она тоже – а рисковать ее жизнью я не соглашусь ни за что. Эо прекрасно это знает.

Вот и конец пути. Гадая, что за сюрприз ожидает меня дома, выпрыгиваю из устья железной трубы, подаю руку Эо...

и слышу за спиной знакомый тягучий говорок с шепелявым земным акцентом:

– Ржавье добралось до нашего садика? Вот это новость!

Первая песня

Страшила Дэн с тремя крабами. В их руках потрескивают дубинки. Они стоят, опершись на железные перила, что протянулись над ткацкой, где уже кипит работа: женщины наматывают паучий шелк на длинные серебристые бобины. Это утренняя смена из Мю и Ипсилона. Заметив меня, они покачивают головами: не делай, мол, глупостей. За выход из разрешенной зоны просто высекут, но любая попытка сопротивления всегда наказывается смертью. Тогда повесят обоих.

– Дэрроу... – шепчет Эо.

Заслоняю ее собой, но стою спокойно. Не хватало еще умереть за один взгляд на звезды. Протягиваю к ним пустые руки в знак того, что сопротивляться я не намерен.

– Проходчик... – презрительно усмехается Страшила, оборачиваясь к остальным. – Самый отчаянный из червяков, но все равно червяк.

Он тыкает в меня дубинкой. Это как укус гадюки одновременно с пинком в живот. Оседаю на пол, цепляясь за железную решетку и содрогаясь всем телом от электрического удара. Во рту горечь от подступившей желчи.

– Смелее, проходчик! – ухмыляется Страшила, роняя передо мной дубинку. – Давай, покажи, чего ты стоишь. Ударь

хоть разок! Ничего тебе за это не будет, обещаю, – так, разборка между своими, мужской разговор. Не трусь, давай!

– Давай, Дэроу! – выкрикивает Эо.

Ага, нашли дурака. Поднимаюсь и вновь протягиваю руки. Разочарованно вздыхая, Дэн защелкивает у меня на запястьях магнитные наручники. Эо вопит и бранится, но ее тоже скручивают и волокут нас двоих мимо работающих женщин к тюремным камерам. Конечно, плетей не избежать, но и только – благодаря тому что я не послушал жену и не взял в руки дубинку.

* * *

Лишь через трое суток, проведенных в одиночной камере «котелка», нам удастся увидеться. Добряк Бридж, один из самых старых крабов, выводит нас на прогулку вместе и даже позволяет обняться. В первый момент я опасаюсь, что Эо плюнет мне в лицо, обвиняя в трусости, но она лишь берет меня за руку и протягивает губы для поцелуя.

– Дэроу...

Губы ее потрескались и дрожат, теплое дыхание щекочет ухо. Худющая и белая как полотно. Колени дрожат, и Эо опирается на меня, чтобы не упасть. Тот румянец, с которым она любовалась восходом, стерся, как старое воспоминание. Только глаза и волосы остались прежними. Прижимаю ее к себе, слышу глухой ропот собравшейся толпы. Мы на фору-

ме, впереди эшафот с виселицей – там готовят плети. Стоя в желтом свете потолочных ламп под взглядами родных и знакомых, я чувствую себя беззащитным младенцем.

Как будто во сне, Эо говорит о любви, сжимая мою руку, но смотрит как-то странно. В глазах печаль, но нет страха. Нас должны только выпороть, но она будто прощается со мной навсегда. От ее взгляда сжимается сердце, я вздрагиваю, как от холода.

– Разбей цепи, любимый! – шепчет она.

Нас грубо растаскивают. Слезы струятся по лицу Эо. Почему она плачет? Не могу понять, думать трудно, все плывет перед глазами. Меня грубо бросают на колени, вздергивают голову кверху. Не припомню, чтобы на форуме было так тихо. Только шаги охраны отдаются эхом от стен.

Крабы снова поднимают меня на ноги, засовывают в скафандр. Привычная затхлая вонь вызывает ощущение безопасности, но лишь на мгновение. Волокут в центр площади, бросают на пол у подножия эшафота. Цепляясь за ржавые грязные ступени, бросаю взгляд вверх. Там стоят старшины кланов, двадцать четыре бригадира. У каждого кожаная плеть. Они ждут меня.

– О, как ужасны подобные минуты, друзья мои! – горестно восклицает судья Поджинус, подпрыгивая в жужжащих гравиботах у меня над головой. – Каким жестоким испытаниям подвергаются братские узы Сообщества, когда кто-то из нас дерзнет нарушить законы, которые защищают всех и

каждого! Закон и порядок едины для всех: молодых и старых, лучших и худших. В их отсутствие мы превратились бы в стадо диких зверей. Послушание и дисциплина – вот залог выживания наших колоний! Хаос и анархия взорвут их изнутри, и человечество до конца своих дней останется прозябать, прикованное к Земле. Закон, дисциплина и порядок – вот залог мощи и величия нашей расы, и всякий, кто осмелится покуситься на наш общественный договор, горько пожалеет об этом!..

Сегодня медяшка-лилипут говорлив не в меру, явно хочет произвести на кого-то впечатление. Я поднимаю голову и вижу то, что не думал когда-нибудь увидеть своими глазами. Его волосы и знаки на руках сияют так, что больно глазам. Золотой! Словно ангел спустился с небес в нашу грязную дыру. В черном с золотом плаще, облаченный в лучи солнца, с рыкающим львом на груди.

У него суровое немолодое лицо, выражающее власть и мощь. Волосы зачесаны назад, тонкие губы не кривит улыбка. Ни единой морщины, только длинный шрам на правой скуле.

В какой-то программе говорили, что такие шрамы отличают нобилей, элиту правящей касты. Их готовит особое учебное заведение, и им одним известны секреты, которые позволят человечеству колонизировать все планеты Солнечной системы.

Главный что-то говорит другому золотому. Высокий и

стройный, тот чем-то похож на женщину. Лицо без шрама, неестественно гладкое – похоже, на помаженное и нарумяненное. Губы блестят, волосы тоже, но по-другому. Смотрится он здесь нелепо. Впрочем, и мы ему не слишком нравимся, – слушая старшего, косится в сторону и брезгливо принохивается. Говорят они только между собой. Еще бы, ведь мы недостойны даже смотреть на золотых. И в самом деле хочется отвести глаза, чтобы не испачкать своим ржавым взглядом это солнечное великолепие. Я чувствую стыд и вдруг понимаю почему.

Лицо со шрамом мне знакомо – как и всем, кто смотрит телевизор. После Октавии Луны это самая известная персона на планете – Его Светлость Нерон Августус, лорд-губернатор Марса. Решил сам взглянуть, как меня высекут. За спиной у него беззвучно застыла пара черных воронов в закрытых стальных шлемах. Мы родились копать шахты, они – убивать людей. На две головы выше меня, по восемь пальцев на каждой руке. Черных создали специально для войны. Смотришь на такого, и сразу вспоминаются рудничные гадюки – такой же змеиный взгляд.

В свите нобиля еще десяток человек, в том числе еще один золотой помоложе – видимо, его помощник. Он еще красивее губернатора и, похоже, недолюбливает женоподобного типа. Вокруг спуют с камерами в руках зеленые, совсем букашки на фоне высоченных воронов. Волосы у коротышек черные, зеленые только глаза, в которых сейчас горит фана-

тичный огонь. Не часто им доводится снимать такое зрелище: наказывают не кого-нибудь, а проходчика. Интересно, на сколько колоний идет трансляция? Небось на всю планету, раз сам губернатор здесь.

Под прицелом камер с меня торжественно сдирают скафандр, который только что надели. Поднимаю глаза на экран и вижу самого себя с обручальной лентой, болтающейся на голой шее. Неужели я такой молодой и тощий? Тащат по ступеням на эшафот к железному столу, кладут лицом вниз и закрепляют руки по сторонам. Невдалеке над головой маячит петля. Здесь умер мой отец. Дрожу, прижатый к ледяному металлу. Ноздри щекочет запах синтетической кожи: старшины стоят с плетями наготове. Вот один из них вопро- сительно кашлянул...

– Да восторжествует закон и свершится правосудие, ныне и во веки веков! – провозглашает Поджинус.

Сорок восемь ударов, и неслабых, даже от дядьки Нэрола. Иначе нельзя. Плетки свистят и визжат, врезаясь в тело, в их жутковатом пении слышатся отзвуки погребальной мелодии. В глазах темно, дважды вообще отключаюсь и каждый раз, приходя в себя, гадаю, видно ли мою спину на экране.

Все это спектакль, они хотят показать всем свою власть. У Страшилы Дэна своя, отдельная роль. Он делает вид, что жалеет меня, сочувствует. Старается, подбадривает, шепча на ухо – так, чтобы было слышно зрителям, – а когда падает последняя плеть, с грозным видом заступает дорогу и под-

нимает руку, будто останавливает новый удар. Даже я в этот момент готов расцеловать его как своего спасителя, хотя точно знаю, что свои четыре дюжины уже получил.

Меня отвязывают и волокут в сторону, железный стол залит кровью. Со стыдом думаю, что наверняка орал, опозорился перед своими. Теперь к эшафоту ведут мою жену.

Поджинус снова раздражается красноречием, но слова его звучат неуверенно и скомканно:

– Даже юным и очаровательным не дано избежать справедливого наказания. Закон и порядок священны для всех без исключения цветов. Без законов наступит анархия, без послушания – хаос. Человечество будет обречено на гибель среди радиоактивных песков Земли и отравленных морей. Лишь единство и дисциплина спасут нас... Да восторжествует закон и свершится правосудие ныне и во веки веков!

Всем плевать, что я избит до полусмерти и истекаю кровью, но когда на эшафот тащат Эо, в толпе раздаются крики и проклятия. Даже сейчас, вся в слезах, лишенная волшебного света, что сиял в ней три дня назад, моя жена прекрасна, словно ангел.

Неужели все это – за одно лишь маленькое приключение, за ночь с любимым, проведенную под звездами? Лицо Эо странно спокойно, на нем нет страха, и это меня пугает. Что-то не так. Она вздрагивает, ложась на ледяной стол, кожа покрывается мурашками. Надеюсь, моя кровь хоть чуточку согреет ее.

Стараюсь не смотреть, как они порют Эо, но бросать ее одну еще больнее. Ее глаза ищут мой взгляд, вспыхивая рубинами при каждом хлестком ударе. Потерпи, родная, скоро все закончится! Привычная жизнь вернется к нам, все будет хорошо, только потерпи... Но выдержит ли она столько ударов?

– Хватит! – кричу я стоящему рядом крабу. – Пожалуйста, прекратите! Я буду послушным, я сделаю что угодно... Лучше добавьте мне, только пощадите ее! Слышите, вы? Гады, твари, оставьте ее в покое!

Лорд-губернатор бросает на меня беглый взгляд. Холеное лицо бесстрастно. Кто я для него? Жалкий земляной червяк... но все-таки – не совсем же каменное у него сердце! Он должен понять, что я готов броситься в огонь ради своей любви. Он обязан пожалеть ее, ведь так оканчиваются все сказки!

– Ваша светлость, позвольте мне взять на себя ее плети! Прошу вас, умоляю!

Я в панике. Глаза Эо приводят меня в ужас. В ее взгляде не боль, а бешеная ярость. Она не боится! Совсем.

– Нет! Нет! Нет! – кричу я ей. – Эо, не надо! Пожалуйста!

– Заткните рот преступнику! Эти вопли оскорбляют слух его светлости, – командует судья Поджинус.

Бридж сует мне в рот каменный кляп. Задыхаясь, давлюсь слезами. Ловлю взгляд жены, мычу, трясую головой... Свистит плеть. Удар. Тринадцать. Не сводя с меня глаз, Эо по-

ет. Вначале песня похожа на жалобный стон, тихий и протяжный. Так поет ветер в глубине заброшенных шахт. Плач о смерти и надежде – тот самый, запрещенный, который я слышал единственный раз в жизни.

Теперь они убьют ее.

Голос ее, слабый, но чистый и прекрасный, разносится по всему форуму, словно волшебная песня сирен. Старшины неловко переглядываются, и даже крабы, разобрав слова, с досадой качают головами. Мало кто радуется, когда умирает красота.

Поджинус в замешательстве оглядывается на губернатора. Тот спускается поближе на своих великолепных гравиботах. Солнечный блеск волос подчеркивает благородные линии лба, чеканные скулы сияют в свете ламп. Золотые глаза с любопытством рассматривают окровавленную женщину, как будто земляной червь внезапно отрастил радужные крылья бабочки. Кривой шрам морщится, когда звучат полные власти слова:

– Пускай поет. – Нерон Августус благосклонно кивает судье.

– Но, ваша светлость...

– Из всех животных только человек способен по своей воле броситься в огонь. Насладись этим редким зрелищем, медный. – Губернатор поворачивается к зеленым. – Продолжайте запись! Лишнее потом отредактируем.

Вот и все. Стоило ли ради этого жертвовать собой?..

И все-таки Эо никогда не была прекраснее, чем в эту минуту. Она пылает как огонь перед холодным металлом власти – та, что танцевала в дымной таверне, окруженная облаком рыжих волос, из которых сплела мне потом обручальную ленту. Та, что решила умереть за право исполнить песню смерти.

Любовь моя, помни ропот и стон,
Зима не сдавалась весне в полон,
Но песня из наших взошла семян
В полях, где корысть и обман.

Слышишь, косит в долине жнец?
Косит жнец, косит жнец...
Песню в долине заводит жнец
О том, что зиме конец.

Помни, сын мой, как жили в цепях,
Злато и сталь наводили страх,
Но с песней мы вырвались из оков
В долину счастливых снов.

Слова заканчиваются, голос в последний раз взлетает ввысь и замирает. Я потерял Эо. Она права, я не понимаю чего-то очень важного.

– Забавная мелодия, – лениво бросает губернатор, – и это все, что вы можете? – Он смотрит на Эо, но говорит громко, обращаясь к толпе алых, а заодно и к зрителям из других ко-

лоний. Золотые усмеваются вслед за ним: песня – единственное оружие подземных червей. Жалкий набор звуков, раставших в воздухе, спичка в грохочущем прибое власти. – Что же вы, подпевайте! Смелее, храбрые шахтеры из... – Он оборачивается к помощнику, который что-то подсказывает. – Ах да, из Ликоса. Подпевайте, если хотите!

Ломая зубы, я бешено грызу камень, затыкающий рот, по щекам текут слезы. Толпа угрюмо молчит. Вижу мать, лицо ее дрожит от гнева. Киран прижимает к себе жену. Нэрол опустил глаза в пол, Лоран плачет навзрыд. Ни слова ни от кого, все боятся.

– Похоже, ваша светлость, никто здесь не разделяет фанатизма преступницы, – торжественно замечает Поджинус. Эо не сводит с меня глаз. – Ясно, что перед нами одиночка, досадное отклонение от нормы. Следует ли нам продолжать, ваша светлость?

– Да, продолжайте, – небрежно кивает лорд-губернатор, – у меня еще встреча с Аркосом. Повесьте ржавую сучку, надел ее скулеж.

6

Мученица

Я весь – ярость, весь – ненависть, но молчу и не трогаюсь с места, потому что Эо смотрит на меня. Она так хочет, так решила. Мы не сводим друг с друга глаз, даже когда ее тащат к виселице и надевают на шею петлю. Заплаканный Бридж вынимает у меня изо рта окровавленный кляп. Сплюываю осколки зубов и ковыляю, едва волооча ноги, поближе к эшафоту, чтобы она видела меня во время казни. Это ее выбор. У меня трясутся руки, из толпы за спиной доносятся всхлипывания.

– Кому ты хочешь сказать свои последние слова, прежде чем восторжествует закон и свершится правосудие? – спрашивает Поджинус, источая сочувствие перед видеокамерами.

Я жду, что Эо назовет меня, но она произносит другое имя. Не переставая смотреть на меня, она обращается к своей сестре:

– Дио.

Одинокое слово дрожит в воздухе, в голосе Эо слышен страх. Сестра взбирается по ступеням эшафота. Я ничего не понимаю, но ревновать не собираюсь. Я люблю ее, и это ее выбор. Я ничего не понимаю, но не хочу, чтобы она умерла, сомневаясь в моей любви к ней.

Страшила Дэн помогает Дио подняться к виселице. Спотыкаясь, девушка бросается к сестре. Не слышу, о чем они говорят, но сестра испускает горестный стон, который будет преследовать меня до конца моих дней. Затем она в слезах оборачивается ко мне. Что ей сказала Эо? Женщины плачут, даже мужчины вытирают глаза. Дио рыдает, цепляясь за ноги Эо, ее приходится отрывать силой. Лорд-губернатор небрежно кивает судье, не глядя в сторону приговоренной. Так же он, наверное, кивал, когда вешали моего отца.

Глядя на меня, Эо произносит одними губами: «Живи для большего!» Достает откуда-то помятый и высохший цветок гемантуса, который я тогда сорвал для нее. А затем кричит, громко, что есть силы, обращаясь к толпе:

– Разбейте цепи!!!

Крышка люка проваливается. Вижу волну взметнувшихся рыжих волос и ноги, болтающиеся в поисках опоры. Горло хрипит, сдавленное петлей, глаза выкатываются из орбит. Я не в силах спасти ее от этого, мир жесток и не хочет подчиняться моей воле. Да, я слаб и потому молча смотрю, как мою жену убивают, подаренный мной цветок выпадает у нее из руки. Видеокамеры продолжают запись. Бросаюсь вперед, целую и обнимаю ее ноги. Не хочу, чтобы она долго страдала.

Сила тяжести на Марсе невелика, и чтобы петля сломала шею, приходится тянуть за ноги. Это разрешают сделать родным.

Хрип быстро смолкает, не слышно даже скрипа веревки.

Моя жена так мало весит.

Она ведь была еще так молода.

Звучит ритуальный плач. Тысячи людей под эшафотом стучат кулаками по груди. Сначала быстро, в такт бьющемуся сердцу, потом медленнее – каждую секунду... две... пять... десять. Наконец стук замирает совсем, и плачущая толпа рассеивается, как горсть пыли на ладони под завывание ветра в пустой заброшенной шахте.

А золотые не спеша поднимаются ввысь и улетают.

* * *

Тесть с Лораном и Кираном сидят у нашего порога всю ночь до утра. Говорят, чтобы мне не было так одиноко. На самом деле они боятся, что я умру. Я хочу умереть. Мать перевязывает мне спину шелком, который моя сестра Лианна тайком вынесла из ткацкой.

– Не мочи, а то нуклеин не подействует, шрамы останутся.

Что мне шрамы? Эо их не увидит. Никогда больше она не погладит меня по спине, никогда не поцелует мои раны.

Ее больше нет.

Нарочно ложусь на спину, чтобы боль заставила забыть о жене, но не могу. Она ведь до сих пор там висит. Утром по дороге на работу мне придется пройти мимо ее безжизненного тела. Скоро появится трупный запах... Моя красавица-жена сияла слишком ярко – такие долго не живут. Я

чувствую, как руки тянут ее за ноги и ломается хрупкая шея – тело так и не перестало дрожать.

В спальне есть тайный ход – я вырыл его давным-давно, еще в детстве, чтобы тайком от матери выбираться из дому. Теперь он пригодится. Лампы снаружи горят тускло, никто меня не заметит.

В поселке тишина, только экран по-прежнему мерцает, снова и снова прокручивая запись казни. Они хотят вдолбить нам бесполезность сопротивления, но допустили одну ошибку. Порку плетями тоже показывают, и песня Эо звучит снова и снова. Даже не будь она моей женой, я поклонился бы ей как святой мученице, которой жестокие враги решили заткнуть рот.

Внезапно экран темнеет. Не припомню, чтобы такое случилось прежде. Треск помех, затем появляется Октавия Луна со своим обычным набором фраз. Можно подумать, кто-то взломал сеть Сообщества, потому что на экране вновь возникает изображение моей жены. «Разбейте цепи!» – кричит она, и экран гаснет. Затем раздается треск, и изображение появляется вновь. Еще раз звучит призыв Эо. И снова экран гаснет. Затем возобновляется стандартная программа, но она еще раз прерывается криками Эо. А вот я тяну ее за ноги. Изображение гаснет.

На улицах тихо и безлюдно. Я направляюсь к форуму. Ночная смена скоро закончит работу. Внезапно я слышу шорох, и из тени передо мной неожиданно появляется мужская

фигура. На лице у дядьки Нэрола хитрая ухмылка. Тусклый фонарь над головой освещает рваную красную рубашку и флягу в руке.

– Весь в отца, паршивец, – цедит он презрительно, – глупый и самовлюбленный.

Я сжимаю кулаки:

– Пришел помешать мне, дядюшка?

– Я не смог помешать твоему папаше прикончить себя, – хмыкает он. – А он был намного лучше тебя. Держал себя в руках.

Делаю шаг вперед:

– Мне не нужно твоего разрешения.

– Маленький хвастунишка, посмотрите-ка на него! – Нэрол чешет в затылке. – И все-таки не делай того, что задумал. Мать хотя бы пожалей. Думаешь, она не знает, что ты улизнул из дома? Она в курсе. Сама мне сказала. Он, говорит, думает отправиться вслед за папашей и своей девчонкой.

– Если знает, что же не остановила?

– Ну уж нет. Мужчины должны сами совершать свои ошибки. Только не думаю, что твоя Эо хотела бы этого.

– Ты ничего не знаешь, – тыкаю пальцем ему в грудь. – Ничегошеньки не знаешь о том, чего она хотела!

Она сказала, что мученичество не для меня, вот и поглядим.

Дядька пожимает плечами.

– Ладно, тогда хоть провожу, раз ты такой кретин... Лямбда с петлей дружит, – добавляет он с кривой усмешкой. Перебрасывает мне флягу, и я иду вслед за ним. – Знаешь, я пытался отговорить твоего отца. Мол, толку от слов да танцев – что от этой вот пыли под ногами. С кулаками даже полез, да разве с ним сладишь? Уложил меня и не почесался. – Он вяло изображает удар правой. – Бывает такое дело, что человек решил уже все для себя и хрен его отговоришь.

Прикладываюсь к фляге и протягиваю ее обратно дядьке. Бражка гуще обычного, и вкус какой-то странный. Он разрешает мне допить остатки.

– Вот и ты, небось, уже все для себя решил, да? – Нэрол стучит себя пальцем по лбу. – Понятное дело. Помню, как учил тебя танцу.

– Гадючий у меня норов, так ты всегда говорил, – усмехаюсь тихонько.

Идем молча. Он кладет руку мне на плечо. Вздыхаю, проглатываю комок, подступающий к горлу.

– Бросила меня, взяла и бросила! – вырывается у меня.

– Значит, так надо было, – вздыхает он. – Девка-то неглупая была.

Когда заходим на форум, я не выдерживаю и заливаюсь слезами. Дядька обнимает меня, целует в макушку. Это все, что он умеет, к нежностям не приучен. Бледное, изможденное лицо, густая шевелюра вся седая, верхняя губа обезображена шрамом.

– Привет там всем в долине, – шепчет он мне на ухо, царапая шею колючей щетиной. – Выпей с братьями, и жену мою поцелуй за меня. Танцору особый поклон.

– Танцору?

– Познакомишься... А встретишь деда с бабкой, скажи, что мы до сих пор за них танцуем и скоро, мол, увидимся, недолго осталось. – Он шагает прочь и, не оборачиваясь, добавляет: – Разбей цепи! Слышишь?

– Слышу.

Остаюсь один на площади перед виселицей, на которой покачивается тело. Подхожу ближе, хоть и знаю: здесь всюду камеры. Поднимаюсь на эшафот, ступеньки железные, не скрипят. Эо висит неподвижно, как кукла. Лицо белое как мел, рыжие волосы шевелит ветерок из ржавых вентиляторов на потолке.

Перепиливаю веревку заныканным из шахты тесаком, осторожно опускаю тело и подхватываю на руки. Иду, петляя старыми туннелями, в ткацкую. До пересменки еще несколько часов, женщины поднимают головы от работы и молча наблюдают, как я несу Эо к вентиляционному ходу. Моя сестра Лианна тоже здесь. Высокая и молчаливая, вся в мать, она смотрит на меня сурово, но остановить не пытается. Никто не вмешивается, и никто не скажет ни слова о том, где я похороню жену, даже за шоколад, который выдают доносчикам. За три поколения у нас в поселке так похоронили пятерых, и каждый раз за это вешали.

Мой последний подарок Эо.

Женщины со слезами тянут руки, прикасаясь к мертвому лицу. Помогают мне открыть проход и втащить тело в тесную трубу вентиляции. Я пробираюсь туда, где мы любили друг друга под звездами, где она говорила мне о главном, а я не слушал. Может, теперь ее душа будет рада увидеть меня там, где мы были счастливы.

Копая могилу под деревом, пачкая руки в земле нашей планеты, такой же красно-рыжей, как волосы Эо. Целую ее пальцы с обручальной лентой, кладу кровавые лепестки германтуса на грудь, над сердцем. Серединку цветка прячу за пазуху. Целую в губы, начинаю засыпать землей, но потом, разрыдавшись, бросаюсь назад, снова целую и долго лежу рядом, не в силах расстаться, пока лучи восходящего солнца не озаряют край стеклянного купола крыши. Красная заря слепит глаза, а слезы все текут и текут. Забираю свою головную повязку, которая оставалась у Эо в кармане. Пропитанная моим потом, теперь она мокрая от слез.

* * *

У дверей дома Киран в сердцах дает мне оплеуху. Лоран смотрит угрюмо, не в силах выговорить ни слова. Тесть с опущенной головой прислонился к стене. Переживают, что упустили меня. Мать молча подает завтрак. Мне что-то нехорошо, трудно дышать. Возвращается с работы Лианна и по-

могает с готовкой. Когда сажусь есть, целует меня в макушку, вдыхая запах волос. Мать сидит рядом, держит за руку и смотрит так, словно удивляется, как быстро нежная младенческая ладошка стала такой большой и грубой.

Заканчиваю есть как раз к приходу Дэна с крабами. Когда меня уводят прочь, мать так и остается сидеть за столом, глядя на то место, где лежала моя рука. Наверное, ей кажется, что, если не смотреть, ничего и не случится. Мать сильная, но у любой силы есть предел.

В девять утра меня вешают на форуме перед собравшейся толпой. Голова кружится, сердце бьется с перебоями, словно замирает. В ушах звучат эхом слова золотого губернатора.

«И это все, что вы можете?»

Да, мы поем, мы танцуем, мы любим. Еще роем землю. Потом умираем, и нам редко удается самим выбрать себе смерть. Этот выбор – наше единственное оружие. Но его недостаточно.

Мне разрешают последнее слово. Я зову Дио. Глаза у нее красные, опухшие от слез. Она слабее своей сестры.

– Что тебе сказала Эо перед смертью? – спрашиваю с трудом, рот едва шевелится, челюсти совсем онемели.

Дио оглядывается на мою мать, та хмурится и трясет головой. Они не хотят мне говорить. Даже теперь, когда я вот-вот умру.

– Сказала, что любит тебя, – отвечает она, отвернувшись. Я не верю, но все равно улыбаюсь и целую ее в лоб. Ужас-

но кружится голова. Едва выговариваю:

– Передам от вас привет.

Песню не пою, мученичество не для меня.

Моя смерть не имеет смысла. Это любовь.

Эо права, чего-то я не понимаю. Не победа, а чистой воды эгоизм. Она хотела, чтобы я жил для большего. Хотела, чтобы я сражался. Но вот я здесь, на эшафоте. Умираю вопреки ее желаниям. Я сдался. Потому что было слишком больно.

Меня охватывает паника – как самоубийцу, который понял, что сделал глупость.

Слишком поздно.

Пол под ногами проваливается, петля сдавливает горло. Боль раскаленной иглой пронзает поясницу. Успеваю увидеть, как Киран бросается вперед, но дядька Нэрол отпихивает его в сторону. Подмигивает мне, берет за ноги и тянет.

Только бы они не стали меня хоронить.

Часть II

Дважды рожденный

У нас есть праздник, когда мы надеваем маски демонов, чтобы отогнать злых духов от наших мертвых в долине. Получается не всегда.

7

Лазарь

Я умер, но не вижу Эо.

Мы верим, что встретимся с родными и любимыми по ту сторону смерти, в зеленой долине, где цветы и туман, горят костры и варится мясо в котлах. Там нас встретит Сторож долины в плаще, покрытом росой. Он ждет в конце каменистой дороги, по сторонам которой пасутся овцы, и с ним стоят те, кто умер прежде нас. Говорят, тот, кого похоронили в земле, легче пройдет по той дороге.

Но я не вижу ни моей любимой, ни долины – ничего. Сплошная тьма, одни цветные пятна в глазах. Со всех сторон давит, и тут любой шахтер понял бы – завалило. Хочу крикнуть, но земля забивает рот и нос, не дает ни дышать, ни двигаться. Меня охватывает паника. Наконец, почти за-

дохнувшись, я прорываю себе путь на свободу, вдыхаю воздух, кашляю и сплевываю грязь.

Минуту-другую стою на карачках, приходя в себя, потом поднимаю голову. Я в заброшенной шахте. Старый туннель пуст, хотя подачу воздуха еще не отключили. Пахнет плесенью. Одинокий фонарь над головой бросает зловещие блики на выщербленные стены и слепит отвыкшие от света глаза почти как солнце, всходившее над могилой Эо.

Я не умер.

Эта мысль медленно проникает в сознание. Кожа на шее содрана петлей, кровавые раны от плетей покрыты коркой грязи.

И все-таки я жив.

Видать, дядька Нэрол не слишком старательно тянул за ноги... Почему же крабы не проверили, как всегда, неужели поленились? Как бы не так – тут что-то другое. Недаром меня так мутило перед казнью, даже сейчас еще клонит в сон. Не иначе накачали какой-то химией, и сделать это мог только Нэрол. Заставил отключиться, а потом закопал... но зачем? Неужели после этого ему удалось избежать наказания?

Из темноты, куда не достает свет фонаря, доносится глухой рокот. Значит, ответы на вопросы будут. Вскоре из-за поворота выкатывается приземистый шестиколесный фургон, похожий на железного жука. С шипением выпустив струю пара из решетки радиатора, тормозит прямо передо мной, по глазам разом бьют восемнадцать фар. В их сле-

пящих лучах мелькают темные человеческие фигуры. Меня подхватывают под мышки грубые мозолистые руки, совсем как у шахтеров, но лиц не видно под причудливыми масками, как на ночном октоберфесте. Ведут к машине осторожно, скорее направляют, чем запихивают, в фургон.

Сию на ободранном железном сиденье и в тусклом красном свете рассматриваю своих спутников. На женщине белая с золотом маска с рогами, как у демона, глаза злобные, так и сверкают в узких прорезях. Мужчина с ней рядом на вид хилый и робкий и явно меня побаивается. Оскаленная морда летучей мыши не скрывает ни опасных взглядов, ни сжатых в страхе рук.

– Вы Сыны Ареса, да? – спрашиваю.

Слабак вздрагивает. Взгляд женщины становится насмешливым.

– А ты Лазарь? – произносит она холодно и лениво, словно поддразнивая. В ее повадке есть что-то кошачье.

– Я Дэрроу.

– Мы знаем, кто ты.

– Не говори ему ничего, Гармони! – шипит слабак. – Танцор велел ничего с ним не обсуждать, пока не доберемся до дому.

– Ну, спасибо, *Ральф*, – вздыхает она, укоризненно качая головой.

Слабак виновато ерзает на сиденье, осознав свой промах, но он меня уже не интересует. Заправляет тут женщина. В

отличие от маски слабака, ее маска похожа на лицо старой ведьмы из погибших городов Земли, которая варит свое зелье на костях младенцев.

– Да, досталось тебе. – Она тянется, чтобы дотронуться до моей шеи, но я перехватываю руку. Косточки хрупкие, могу переломить двумя пальцами. Слабак хватается за дубинку, но Гармони останавливает его жестом.

– Почему я не умер? – После петли мой голос скрежещет, как лопата о гравий.

– Потому что у Ареса задание для тебя, малыш-проходчик. – Она морщится от боли, но руку вырвать не пытается, да это и бесполезно.

– Арес... – хмыкаю я. В памяти мелькают картинки из передачи: взрывы, разорванные тела в лужах крови. Арес. Понятно, что за задание он мне поручит. Но я слишком плохо соображаю, чтобы продумать ответ на его предложение. Я думаю только об Эо, мне нет дела до остальных. Я – всего лишь пустая оболочка. Стоило ли вообще выкапываться из земли?

– Может, отпустишь теперь?

– Снимете маски, отпущу.

Смеясь, она откидывает страшную физиономию старухи. Под маской – день и ночь. Вся правая сторона лица исполосована блестящими бугристыми потеками. Паровой ожог, обычное дело, но только у мужчин. Женщин редко берут работать в шахту.

Больше впечатляет здоровая сторона – Гармони удивительно красива, даже красивее Эо. Гладкая молочно-белая кожа, изящно очерченные скулы, но выражение лица злое и холодное. Зубы неровные, ногти грязные и поломанные. За голенищами сапог ножи, судя по тому, как она дернулась, когда я схватил ее за руку.

Тщедушный Ральф рожей не вышел – смуглый, остроносый, гнилые зубы торчат, как ржавые трубы в душевой. Он молча таращится в узкое окошко фургона, пока мы выезжаем из заброшенных туннелей на мощеную дорогу. Они могут быть алыми – знаки на руках правильные, – но только доверия эти люди во мне не вызывают. Они точно не из Лямбды или Ликоса. С таким же успехом могут быть и серебряными.

Я тоже поворачиваю голову к окну и вижу другие машины. Где мы, неизвестно, но мне все равно. Страшная пустота в груди не дает думать больше ни о чем. Чем дальше мы едем, тем тоскливее становится. Трогаю обручальную ленту: Эо больше нет, и не к ней я сейчас еду. Зачем мне эта жизнь без Эо? Может, не тяни я ее за ноги так сильно, она тоже могла бы выжить? Дыра в груди все растет и ширится, я уже готов выпрыгнуть на дорогу под колеса грузовикам. Второй раз умирать легче.

Но я не выпрыгиваю, а продолжаю сидеть рядом с Гармони и Ральфом. Эо хотела от меня большего. Сжимаю в кулаке алую головную повязку.

Туннель расширяется, и мы подъезжаем к блокпосту кра-

бов. Как всегда, грязные и потрепанные, даже ток в электрических воротах не включен. Вижу в окошко, как они сканируют опознавательные знаки на бортах предыдущего фургона. Когда подходит наша очередь, я беспокойно ерзаю, почти как Ральф, но Гармони лишь усмехается. Сероволосый краб подносит сканер к панели и машет рукой – проезжайте, мол.

– У нас есть пропуск, – объясняет Гармони. – У рабов нет мозгов. Эти крабы все идиоты. Элита серых или черные монстры – вот кого стоит опасаться. Но они редко заглядывают в шахты.

Киваю, пытаюсь убедить себя, что это не очередная уловка золотых, что Гармони и Ральф мне не враги. Наконец машина сворачивает с главной дороги в боковую, которая упирается в складской двор чуть пошире нашего форума, освещенный кое-где яркими серными лампами. Один фонарь мигает над гаражом, рядом склад с причудливым символом на двери, выведенным странной краской. Въезжаем в гараж, ворота захлопываются за нами, и Гармони зна́ком приказывает мне выйти из машины.

– Вот мы и дома, – говорит она. – Пора тебе познакомиться с Танцором.

8

Танцор

Он смотрит мимо меня. Почти моего роста, редкий случай, но гораздо мощнее и очень старый. За сорок уже небось. Виски седые, на шее множество двойных шрамов – змеиные укусы, я немало таких повидал. Левая рука висит как плеть, тоже понятно – поврежден нерв. Удивляют глаза, необычно яркие и не ржаво-красные, как у всех, а с крапинками цвета крови. На губах его играет отеческая улыбка.

– Ты, наверное, гадаешь, кто мы такие? – мягко спрашивает он.

Восемь алых смотрят на Танцора с обожанием. Все мужчины, за исключением Гармони. Руки сильные, в шрамах – шахтерские руки, – и движения ловкие, как у наших. Наверняка есть среди них и мастера танца, способные сделать сальто или пробежаться по стене, а может, и проходчики найдутся.

– Он знает, – отвечает за меня Гармони, нежно касаясь руки Танцора. Говорит, как обычно, лениво, словно перекачивает слова на языке. – Мигом раскусил нас, сукин сын.

– Ах так. – Улыбка Танцора делается еще шире. – Ну разумеется, Арес не станет рисковать ради кого попало... Дэрроу, ты знаешь, где находишься?

– Мне без разницы, – хриплю я, оглядывая ржавые стены,

залитые резким холодным светом. – Главное... – Говорить трудно, но я вспоминаю Эо, и голос мой крепнет. – Главное, чего от меня хотите вы.

– Да, это главное, – кивает Танцор, одобрительно похлопывая меня по плечу, – но дела подождут. Ты на ногах едва стоишь, и раны твои надо обработать, иначе останутся шрамы.

– Шрамы не имеют значения. – Смотрю, как кровь капает на пол, пропитав подол моей рубашки. Раны на спине открылись, когда я выбирался из могилы. – Эо... она умерла, да?

– Умерла, – печально кивает Танцор. – Мы не могли спасти ее, Дэрроу.

– Почему?

– Просто не могли.

– Но почему? – настаиваю я, впиваясь во всех по очереди горящим взглядом. – Вы же спасли меня, значит могли спасти и ее тоже. Она вам нужнее, она настоящая мученица! Ей было не все равно! Или вашему Аресу нужны одни сыновья, а не дочери?

– Мученики гроша ломаного не стоят, – лениво усмехается Гармони.

Змеиным броском кидаюсь к ней и хватаю за горло. Мое лицо немеет от бешеной ярости, в глазах стоят слезы. Слышу писк взведенных лучевиков, холодный ствол упирается в затылок.

– Отпусти ее, парень!

Оборачиваюсь, плюю в бледные физиономии. Женщину, тряхнув разок, отшвыриваю в сторону. Корчась на полу, она откашливается, потом вскакивает. В руке блестит нож.

Танцор встает между нами:

– Прекратите, вы, оба! Дэрроу, пожалуйста!

– Твоя девчонка была мечтательницей, парниша, – шипит Гармони у него из-за спины, – такой же бесполезной, как огонь на воде.

– Гармони! Заткни пасть! – рывкает Танцор. – Спрячьте пушки!

Лучевики умолкают. Я тяжело дышу, глядя в пол. В напряженной тишине он поворачивается ко мне и говорит тихо:

– Дэрроу, мы твои друзья. Друзья. Я всего лишь один из помощников Ареса и не могу за него говорить. Не знаю, почему он не помог нам спасти твою жену. Облегчить твою горе невозможно, как нельзя вернуть ее к жизни, но... Дэрроу, посмотри на меня! Посмотри мне в глаза, проходчик! – Поднимаю голову, смотрю в кроваво-красные глаза Танцора. – Я не всемогущ, но могу помочь тебе восстановить справедливость.

Он приближается к Гармони и шепчет ей что-то на ухо. Вероятно, хочет, чтоб мы подружились. Это вряд ли, но мы все же даем обещание не душить и не резать друг друга.

Она молча ведет меня тесными коридорами, наши шаги звенят по стальному настилу, отдаются гулким эхом от стен.

Наконец мы оказываемся перед узкой дверью. Гармони поворачивает ручку и выпускает меня в небольшой медицинский кабинет. Раздеваюсь, сажусь на холодный оцинкованный стол, и она начинает выскрести грязь из воспаленных рубцов на спине. Работает грубовато, но я терплю, уставясь в железную стену.

– Дурак ты, – говорит она, удаляя камень из глубокой раны. Я шиплю от боли и хочу ответить, но получаю жесткий тычок пальцем в спину. – Мечтатели вроде твоей жены мало что могут, малыш, пойми это. Все, что они могут, – это умереть так, чтобы эхо их смерти долго звенело у нас в ушах. Твоя жена выполнила свое предназначение.

Свое предназначение. Равнодушные слова леденят душу. Значит, моя веселая милая девочка жила только для того, чтобы умереть? Оборачиваюсь, смотрю в злобные глаза.

– А твое какое предназначение? – спрашиваю я.

Гармони показывает руки, перепачканные в крови и грязи:

– То же, что твое, малыш-проходчик, – воплотить мечту в жизнь.

* * *

Обработав спину и вкатив дозу антибиотиков, Гармони отводит меня в жилое помещение с койками по стенам. За стеной гудят генераторы, в углу кабинка водяного душа.

Удивительная штука этот душ. Поток воды мягче, чем струя воздуха в нашей душевой. Половину времени мне кажется, что я тону, другую половину – что корчусь одновременно в экстазе и агонии. Отворачиваю горячий кран до отказа и стою в густом пару, терпя режущую боль в спине.

Обсохнув, надеваю странную одежду, которую мне оставили. Совсем не похоже на комбинезон или свитер, какие мы привыкли носить. Ткань блестящая, элегантная, прямо как у высших цветов.

Не успеваю еще толком все натянуть, как в комнату входит Танцор. Левую ногу он подволакивает, – видать, то же самое, что с рукой, – но все равно мужик крепкий, здоровее Барлоу и красивее меня, хоть и старик и шея вся в шрамах. В руках у него какая-то миска. Садится на койку, которая скрипит под его весом.

– Мы спасли тебе жизнь, Дэрроу. Теперь она принадлежит нам, согласен?

– Дядя спас мне жизнь.

– Тот пьяница? – фыркает Танцор. – Его главная заслуга в том, что сказал нам о тебе. Сделать это надо было уже давно, но он зачем-то держал в секрете, хотя работал на нас еще при жизни твоего отца.

– Его повесили?

– За то, что вынул тебя из петли? Надеюсь, что нет. Мы дали ему глушилку, чтобы подавить ваши допотопные камеры слежения. Все должно было пройти гладко.

Дядька Нэрол. Старшина, но вечно под мухой. Я считал его слабаком, да и сейчас считаю. Сильный не станет так пить и злобствовать по мелочам. И все-таки презирать его я права, выходит, не имел... Но почему он не спас Эо?

– Вы ведете себя так, будто мой дядька вам что-то должен.

– Не нам, а своему народу.

– Ха, народу, – усмехаюсь. – Есть семья, есть клан. Ну, еще есть поселок, шахта там – но народ? С какой стати вы беретесь меня представлять, распоряжаться моей жизнью? Вы дураки, все вы, Сыны Ареса. – Я злобно скалюсь. – Дураки, которые только и умеют, что бомбы кидать! Все равно что мелкий шкет пинает гадючье гнездо!

Это то, что сейчас хотелось бы сделать мне самому. Пинаться, браниться. Вот почему я их оскорбляю, вот почему плюю в этих Сынов Ареса, хотя никаких причин ненавидеть их у меня нет.

На красивом лице Танцора мелькает усталая улыбка. Только теперь вижу, как плохо у него с рукой: она тоньше здоровой и скрючена, точно древесный корень. Тем не менее в этом человеке чувствуется угроза, хоть и не такая явная, как у Гармони. Пожевав губами, он отвечает ровно и сухо:

– Информаторы помогают нам находить лучших из алых, чтобы вызволить их из шахт.

– А потом использовать?

Снова улыбаясь, Танцор показывает свою миску:

– Сейчас мы сыграем в игру и проверим, чего стоишь ты

сам, Дэрроу. Если выиграешь, покажу тебе то, что мало кому из кротов довелось увидеть.

Кроты. Вот мы кто, стало быть.

– А если проиграю?

– Значит, ты не лучший и выиграли опять золотые.

Только не это. Угрюмо киваю.

Протягивая мне миску, Танцор объясняет правила:

– Здесь две карты: на одной – серп жнеца, на другой – ягненок. Вытащишь серп – проиграл. Вытащишь ягненка – удача твоя.

Вот только голос его отчего-то дрогнул на «ягненке». Так, раскинем мозгами. Раз это испытание, то удача вообще ни при чем. Проверяют, насколько я умен, и задачка явно с подвохом. Не иначе обе карты с серпом – только так от меня что-то может зависеть. Ну да, все просто. Усмехаюсь, глядя ему в глаза. Все подстроено, но я к такому привык. Обычно играю по правилам, но только не в этот раз.

– Ладно, играю. – Сую руку в миску, вытаскиваю карту, но ему не показываю. Серп. Танцор не сводит с меня глаз. – Я выиграл!

Он тянется посмотреть, но я быстро сую карту в рот, жую и глотаю. Потом достаю из жестянки другую карту. Снова серп.

– Ягненок был такой вкусный с виду, не смог удержаться, извини.

– Ну еще бы, – весело скалится Танцор, бросая миску на

койку. Он снова добродушен и весел, ощущение угрозы исчезло начисто. – Знаешь, Дэрроу, почему мы Сыны Ареса? У древних римлян Марс был богом войны, воинской славы и чести и так далее – только все это обман. Марс – всего лишь более романтическая версия греческого Ареса. – Он затягивается сигаретой и протягивает другую мне. Генераторы за стенкой уютно бормочут, табачный дым наполняет легкие, заволакивая взгляд приятной пеленой. – Арес был тем еще ублюдком – богом насилия, кровопролития и вероломства.

– Значит, называясь его именем, вы намекаете на реальное положение дел в Сообществе? Хитро.

– Ну, вроде того. Они хотят, чтобы мы забыли историю. Большинство ее и не помнит, да и не учились толком. Знаешь, как золотые пришли к власти? Это было несколько веков назад. Они называют это Покорением. На самом деле всех, кто сопротивлялся, просто вырезали. Обращали в пыль города, континенты. Не так уж много лет назад уничтожили целый мир, Рею, закидали ядерными бомбами. В их крови течет гнев Ареса, а мы – сыны этого гнева.

– Ты и есть Арес? – спрашиваю вполголоса.

Миры. Они уничтожили целые миры. Но ведь Рея куда дальше от Земли, чем Марс. Насколько я помню, это один из спутников Сатурна. За каким чертом им понадобилось бомбить что-то в такой дали?

– Нет, не я, – отвечает Танцор.

– Но ты его человек?

– Я принадлежу Гармони и своему народу. Я ведь, как и ты, из шахтерского клана. Колония Тирос. Разве что пови-
дать больше успел. – Он смотрит мне в глаза, качает голо-
вой. – Ты думаешь, Дэрроу, что я террорист? Но я не терро-
рист.

– Разве нет?

Танцор откидывается назад и затягивается сигаретой.

– Представь себе стол, на котором сидят блохи. Прыгают себе и прыгают, кто выше, кто ниже. Потом приходит чело-
век и накрывает их всех стаканом. Теперь они могут пры-
гать только до дна стакана, не выше. И даже если убрать ста-
кан, блохи все равно не станут прыгать выше, потому что
привыкли и думают, что стеклянное дно на своем месте. –
Танцор задумчиво выдыхает дым. Глаза его горят красными
угольками, почти как кончик сигареты. – Так вот, Дэрроу,
мы те блохи, которые прыгают выше других. И я покажу, на-
сколько выше.

Снова гулкие коридоры с ржавыми стенами, лязгающий
металл под ногами. Подходим к такому же ржавому цилин-
дру лифта. Ветхий механизм скрипит и визжит, поднимая
нас вверх. Танцор оборачивается:

– Ты поймешь, Дэрроу, что жена твоя погибла не напрас-
но. Наши зеленые друзья помогли перехватить запись казни
и вклиниться в общепланетную трансляцию с ее полной вер-
сией. Все кланы ста тысяч шахтерских колоний на Марсе и
все население городов услышали ту песню...

– Да ладно заливать, – ворчу я, – колоний и вполовину столько не наберется.

Танцор не слушает и продолжает:

– Песню выучили все, а твою жену называют Персефоной.

Я вздрагиваю и смотрю ему прямо в глаза. Нет. Ее зовут Эо. И никакой она не символ. Она не имеет никакого отношения к этим бандитам с их дурацкими кличками.

– Ее имя – Эо. Она наша, из Ликоса!

– Теперь ее знают все, Дэрроу. Люди помнят старую легенду о девушке, которую отнял у ее родных бог смерти, но так и не смог сделать своей навечно. Она стала вечно юной богиней весны и каждый год возвращается из подземного царства. Красота дарует жизнь даже из могилы, и память о твоей жене не умрет никогда.

– Моя жена никогда не вернется. – Я отворачиваюсь, не желая продолжать разговор. С этим типом спорить бесполезно: ты ему слово, он тебе десять.

Лифт со скрипом останавливается, и мы выходим в узкий туннель, который ведет к другому лифту, блестящему и ухоженному. У двери дежурят двое Сынов Ареса с лучевиками. Снова долгий подъем.

– Да, не вернется, – продолжает Танцор, – но ее красота и голос никогда не умрут. Эо верила во что-то большее, чем она сама, и смерть придала ее голосу силу, которой не было при жизни. Она была чистой душой, как и твой отец, Дэрроу. Мы с тобой не такие, как они. Мы пачкаем руки кровью и

пятнаем свои души, в святые не годимся, но без нас песня Эо так и не зазвучала бы нигде, кроме Ликоса. Только нашим грубым и грязным рукам дано воплотить мечту чистых сердец.

– Ближе к делу, – перебиваю я. – Чего вы хотите?

Танцор пожимает плечами:

– Ты уже однажды пытался умереть. Не хочешь попробовать еще раз?

– Я хочу... – Чего же я в самом деле хочу? В памяти всплывает холодное золотое лицо, отстраненный равнодушный взгляд, ленивый голос. – Хочу убить губернатора! Он не должен жить, когда Эо лежит мертвая. Судья Поджинус, Страшила Дэн... Их я тоже убью.

– Значит, месть, – вздыхает Танцор.

– Ты обещал помочь.

– Я обещал справедливость. Месть – пустое, Дэрроу.

– Я сам пустой. Помоги мне убить губернатора!

– Дэрроу, ты слишком низко летаешь. – Лифт ускоряется, у меня закладывает уши. Подъем кажется бесконечным. – Нерон Августус всего-навсего один из золотых сановников. – Танцор протягивает мне темные очки. Надеваю их с колотящимся сердцем. Мы поднимаемся на поверхность. – Ты должен смотреть шире.

Лифт останавливается, двери разъезжаются в стороны – и я слепну, несмотря на очки.

Зрачки превратились в точки. Зажмурившись, жду, пока

привыкнут глаза. Ожидаю увидеть яркий прожектор или факел, но ничего такого нет. Свет идет словно бы со всех сторон, из далекого и невероятно мощного источника, и врожденный инстинкт подсказывает: это изначальный источник жизни – солнце. Я вижу дневной свет. Весь дрожа, выхожу из лифта. Танцор идет рядом, он молчит, только заговори он, я все равно едва ли услышу.

Странное помещение, я такого даже представить себе не мог. Под ногами не металл и не камень – дерево, как на картинках с Земли, и пол покрыт великолепным мягким ковром с тысячей оттенков цвета. Стены из красного дерева, на котором вырезаны деревья и олени. Откуда-то доносится нежная мелодия, и я шагаю вперед, к источнику света.

Одна из длинных стен просторного высокого зала – стеклянная. Ослепительный солнечный свет отражается бликами от приземистого черного ящика с белыми клавишами, из которого и исходит музыка. Дальше, по ту сторону стекла, находится что-то совсем уже странное. Спотыкаясь о ковер, спешу туда и падаю на колени, прижимая руки к холодному стеклу. Из груди вырывается невольный стон.

– Теперь ты понимаешь, – произносит Танцор. – Нам лгут. За стеклом раскинулся город.

9

Ложь

Шпили высотных зданий, парки и сады, реки и фонтаны – город мечты, голубых вод и цветущей зелени, – и это на якобы бесплодной планете, где нет ничего, кроме гиблых пустынь! В передачах нам показывали какой-то совсем другой Марс. Место, непригодное для жизни? Нет, это средоточие лжи, богатства и баснословной роскоши.

Раскрыв рот, я наблюдаю невероятные картины.

Куда ни глянешь, в воздухе парят люди: золотые и серебряные, других цветов не видно. Они похожи на богов, и их изящные гравирботы ничем не напоминают уродливые громоздкие башмаки наших стражей в шахтах. Вот мимо окна пролетает юноша – загорелый, стройный, грива золотистых волос полощется за спиной на ветру. Держа в руках две бутылки вина, он направляется к висячему саду на высокой пирамидальной крыше. Он уже пьян и вихляется из стороны в сторону. Один наш забойщик, когда в его скафандре отказала воздушная система, дергался и извивался очень похоже, пока не задохнулся. Этому до смерти далеко – он хохочет во все горло и выделяет в воздухе кренделя, уворачиваясь от четырех визжащих девиц в полупрозрачных обтягивающих нарядах. Все они не старше меня, но ведут себя как придурки.

Я ничего не понимаю.

Среди домов видны освещенные магистрали, над которыми снуют воздушные корабли от крошечных флаеров, как называет их Танзор, до солидных яхт. Нижние уровни, заполненные автомобилями и пешеходами, пестрят светящимися символами различных каст – желтыми, синими, оранжевыми, зелеными, розовыми и десятками других цветов и оттенков. Разномастные потоки текут, складываясь в немислимо сложную иерархическую структуру, – трудно поверить, что все это придумали люди. Улицы петляют меж гигантских зданий из стекла и камня, похожих по виду на древнеримские храмы из исторической передачи, только построены они для настоящих богов.

Город тянется на сколько хватает глаз, и лишь кое-где на самом краю можно разглядеть пятна травы и леса на голой красной поверхности планеты. Высоко над городом загадочно мерцает, словно магический барьер, гигантский прозрачный пузырь, еще выше – синее небо, усеянное звездами. Терраформирование завершено.

Светлое будущее, обещанное нашим потомкам, давно наступило.

Вся моя жизнь – ложь.

«Пионеры Марса, смелые первопроходцы, мы жертвуем собой ради нации, но скоро наш труд на благо человечества будет вознагражден...» – и прочий осточертевший бред Октавии Луны. Слабые цвета ждут, когда мы сделаем планету

пригодной для жизни? Они давно уже здесь! Земляне переселились на Марс и расположились тут в комфорте, а нас оставили горбатиться и гибнуть в шахтах, поддерживая фундамент их империи! Эо была права. Мы – рабы Сообщества.

Танцор тем временем уселся в кресло позади меня и ждет, когда ко мне вернется дар речи. Он произносит короткую команду, и стеклянная стена темнеет. Город по-прежнему видно, но свет больше не слепит глаза. Черный инструмент – кажется, он называется пианино – тихо наигрывает печальную мелодию.

– Они называли нас единственной надеждой человечества, – говорю я тихо. – Земля, мол, перенаселена, и только наша самоотверженность может всех спасти. А значит, готовность к жертвам, дисциплина... «Послушание – главная добродетель»...

Хохочущий золотоволосый бог уже расположился в висячем саду. Девицы лезут к нему с поцелуями. Их ждут вино и всевозможные удовольствия.

– На Земле осталось мало людей, Дэрроу. Еще семь веков назад они начали переселяться на Луну. Сильная гравитация и плотная атмосфера Земли затрудняет вывод на орбиту, и поэтому Луна стала главным космическим портом, через который происходила колонизация планет Солнечной системы и их спутников.

Я в изумлении таращу глаза:

– Семь веков?

Танцор кивает:

– Тогда, кстати, и начал складываться нынешний порядок.

В космосе каждый глоток воздуха на счету, его нужно заслужить, поэтому без дисциплины никак. Появились первые профессиональные касты, образовалось Сообщество. Алые отправились добывать топливо для будущих колоний – на Марс, потому что здесь самые крупные залежи гелия-3, без которого невозможно терраформирование.

Хотя бы в этом они не соврали.

– И что, на них уже можно жить? На этих других планетах?

– Все мелкие спутники и бóльшая часть планет, за исключением, само собой, газовых гигантов, уже заселены. – Танцор вздыхает. – Так вот, еще на ранней стадии колонизации лунным богачам стало ясно, что Земля приносит им одни убытки. Им надоело подчиняться корпорациям и платить налоги земным государствам, которые к тому времени ослабли. Луна восстала, золотые захватили власть. Земля попыталась вернуть утраченное и проиграла. Та война вошла в историю как Покорение. Экономика Луны и ее значение как порта продолжали расти, а Сообщество стало превращаться в то, чем стало сегодня, – в империю, стоящую на спинах алых.

Я смотрю на текущие разноцветные реки внизу. Людей так много, что их трудно различить с высоты, тем более что смотреть вдаль я не привык и глаза утомились от яркого света.

– Алые на Марсе уже пятьсот лет, а остальные начали прибывать два века спустя, когда мы уже поколениями трудились в шахтах. Поначалу они обитали в городах под куполом, пока остальная поверхность продолжала обустраиваться. Теперь купола демонтируют, жить можно везде. Элита алых работает уборщиками и ремонтниками, в полях и на заводах, а остальные, кроты, остаются внизу на положении рабов. В городах нам танцевать запрещено, свободно говорить – тоже. Преступившие закон просто исчезают, а те, кто склонил голову перед Сообществом и смирился с предназначенным ему местом среди прочих цветов, живут более-менее вольно.

Танцор выпускает клуб дыма.

Перед моими глазами разворачиваются, как наяву, картины грандиозной колонизации множества миров одновременно с преобразованием самого человеческого вида. Тяжелые шаги истории втоптали мой народ в рабство, опустили на самое дно Сообщества, в грязь. Эо вечно твердила что-то в этом роде, но всей горькой правды так и не узнала. Подобного жалкого существования она и представить себе не могла. Теперь понятно, откуда у Сынов Ареса такой яростный фанатизм.

– Пятьсот лет... – Я потрясенно качаю головой. – Это, черт возьми, наша планета!

– Мы заслужили ее, – кивает Танцор, – в поте лица.

– Как нам ее вернуть?

– Только кровью. – Добродушная отеческая улыбка сме-

няется хищной.

Эо была права, без драки не обойтись.

Она была голосом моего народа, так же как мой отец. Кем придется стать мне? Карающей дланью? Трудно себе представить, что она, такая чистая и полная любви, хотела толкнуть меня на это, но так оно и есть. Я думаю о последнем танце своего отца, о матери, Лианне, Киране, Лоране, родителях Эо, дядьке Нэроле, Барлоу – обо всех, кого люблю. Как трудна их жизнь и как коротка... теперь я знаю почему.

Вспоминаю слова Танцора и гляжу на свои руки, грубые, изрезанные, обожженные. Они становились нежными от любви Эо. Теперь ее нет, и руки огрубели от ненависти. До хруста сжимаю кулаки, костяшки пальцев белеют, как ледышки.

– Что я должен делать?

Ваятель

У нас была соседка, смешливая девчонка лет пятнадцати, мы выросли вместе. Она так любила своего юного мужа, что, когда того обварило в забое и ожог загноился, пошла в Гамму и продала свое тело за антибиотики. Муж ее не был таким сильным. Встав на ноги и узнав обо всем, он прихватил с работы тесак и выпустил покупателю кишки. Дальше понятно. Девочку звали Лана, она была дочерью дядьки Нэрола. Теперь ее нет в живых.

Пока Танцор разбирается с делами, сижу в пентхаусе – так называют их дом Гармони – и смотрю телик. Щелчком пальца гоняю каналы один за другим и все думаю про ту историю... У того типа из Гаммы ведь тоже была семья, он точно так же всю жизнь копался в земле, как и я. Прел в скафандре, толкался в душевой и никогда не видел солнца. Потом получил от щедрот Сообщества пакетик лекарств, и поглядите, что вышло. Вот же хитрые гады, как ловко они разжигают ненависть между нами, по сути братьями. А ведь стоит только нашим прознать об этой краденой роскоши наверху, кланы объединятся. Шахтеры – народ вспыльчивый. На что будет похож их бунт? Думаю, на ту сигарету Даго: гореть будет ярко, но недолго.

Я спрашивал Танцора, почему Сыны Ареса подкинули в

трансляцию только запись казни, не лучше ли было показать всем, что творится на поверхности планеты.

– Потому что любой мятеж сейчас подавят за считанные дни, – объяснил он. – Нам придется избрать другой путь. То, что нельзя разрушить снаружи, надо подрывать изнутри. Мы не террористы, наша цель – уничтожить систему.

Когда он сказал, чего хочет, меня разобрал смех. Кто я такой? Пылинка. На одном только Марсе тысяча городов. Космос патрулируют флоты бронированных монстров, напичканные ракетами, которые способны расколоть планету, как орех. А дальше Луна с ее десятикилометровыми дворцами, откуда Верховный консул Октавия Луна со своими преторами и императорами правит всей Солнечной системой. Даже Повелитель Праха, создавший новый мир из осколков взорванной им Реи, признал себя вассалом Октавии. Ей верно служат двенадцать всадников-олимпийцев, легионы аурев и бесчисленные, как звезды, полчища черных – и это только элита! Серая полиция патрулирует города и обеспечивает неприкосновенность иерархии. Белые контролируют систему правосудия и следят за чистотой идеологии. Розовые развлекают и ублажают высшие цвета. Серебряные занимаются финансами и логистикой, желтые – медициной и естественными науками, зеленые – развитием технологий. Синие покоряют звезды. Медные – бюрократы. Каждый цвет имеет свои функции, по-своему укрепляя могущество золотых.

О некоторых цветах я прежде и понятия не имел. Чего тут

только не показывают – соблазнительных красоток в модной одежде и причудливых уродцев с биомодификациями, почти потерявших человеческий облик, женщин с такой гладкой кожей и идеальной грудью, что они кажутся представительницами иного вида, и мужчин с искусственно наращенными мышцами, мужчин, которые похваляются своими телесами, как девица побрякушками.

Что может противопоставить всему этому шахтер из Ликоса, будь он хоть трижды проходчик?

Мои размышления прерывает голос Танцора, он стоит в дверях.

– Гармони пришла, нам пора.

Спускаемся втроем на гравелифте. Снова пытаюсь спорить:

– Я хочу драться! – Знаки на руках у меня подкрашены, волосы тоже, в глазах яркие контактные линзы. В форменном балахоне вольных алых и с инструментами уборщика на плече никто не распознает во мне ржавого крота. – Ваше задание не по мне, я просто не смогу, да и никто не сможет!

– Ты сказал, что готов выполнить любое задание, – холодно отвечает Танцор.

– Но это... – И в самом деле, только полный псих может за такое взяться, но я не смерти боюсь, а того, что Эо меня не узнает. Не хочу явиться к ней демоном ночного октоберфеста. – Поищите кого-нибудь другого, а мне лучше дайте лучевик или бомбу!

– Мы тебя вытащили специально для этого, – хмурится Гармони, – и больше ни для чего. От тебя зависит самый грандиозный проект Ареса, о котором он мечтал с самого начала.

– Скольких уже вы для него вытащили?

Гармони бросает взгляд на Танцора, тот молчит. Она отвечает за него:

– Мы знаем про девяносто семь, и все провалились. Ни один не выдержал обработки.

– Ни хрена себе! И что с ними стало?

– Умерли... – Она пожимает плечами. – Сами или попросили о смерти.

Криво усмехаюсь:

– Эх, зря дядька Нэрол доставал меня из петли...

Танцор хватает меня за плечо и разворачивает к себе:

– Послушай, Дэрроу... Послушай меня! Да, им не повезло, но ты-то совсем другой. Я нутром чую!

* * *

От взгляда в ночное небо, исчерченное контурами небоскребов, кружится голова и подкашиваются ноги. Мир вокруг будто шатается, опрокидываясь в бездонную глубину космоса. Я поспешно опускаю глаза и стараюсь внушить себе, что это просто еще один туннель, как у нас из поселка на форум.

Ночная жизнь Йорктона – так называется город – не перестает меня изумлять. Вдоль улиц рядами тянутся разноцветные светящиеся шары. Здесь сектор высоких технологий, вдоль дороги струятся непрерывные видеополосы, и люди в транспорте и на движущихся пешеходных дорожках подолгу застывают с опущенной головой, словно трости с изогнутой рукояткой. Из-за ярких огней вокруг светло почти как днем. По пути встречаются все новые незнакомые мне цвета. В этом секторе чисто: бригады алых уборщиков выполняют свою работу быстро и аккуратно.

Шагаем втроем по узкой полосе, отведенной алым, она не движется, как другие. Неподалеку полоса для медных, пошире. Там идет женщина, и видеоканалы на ходу перестраиваются, показывая ее любимые программы, но если поблизости оказывается кто-то из золотых, все мигом гаснет. Случается это редко: они предпочитают гравирботы. Медные, черные, серые и серебряные тоже имеют право летать, если получили специальную лицензию, но лицензионные гравирботы громоздки и неудобны.

Прямо под ногами вдруг появляется реклама крема от ожогов: женщина странно худосочных пропорций украдкой приподнимает полу красного кружевного халата и наносит крем на голое тело в таком месте, где едва ли кому-то приходилось обжигаться. Я вспыхиваю и отворачиваюсь, потому что видел обнаженной лишь одну женщину в своей жизни.

– Придется тебе забыть о скромности, – хмыкает Гармо-

ни, – иначе никакая маскировка не поможет.

– Срамота, – бурчу я.

– Просто реклама, детка. – Смеясь, она переглядывается с Танцором.

Над нами неспешно пролетает золотой, совсем старик, я таких старых еще не видывал. Мы почтительно склоняем головы и умолкаем.

– Здесь, наверху, за работу платят даже алым, – объясняет Танцор, – немного, но достаточно, чтобы приручить. Все свои деньги они тратят на товары, которые, как их заставляют думать, им нужны.

– Как и прочим трутням, – шипит Гармони.

– Так они не рабы? – спрашиваю я.

– Рабы, которые не в силах перестать сосать из титек этих ублюдков.

Танцору трудно идти с нами вровень, и я замедляю шаг, несмотря на недовольное ворчание Гармони.

– Все устроено в интересах золотых, – говорит он, – развлекательные программы, деньги и подачки в седьмой день каждого земного месяца, чтобы приучить к постоянной зависимости. При этом создается видимость свободы. Если насилие для золотых – своего рода спорт, то манипулирование массами – форма искусства.

Мы входим в район, где обитают низшие цвета. Здесь шумно, нет размеченных пешеходных дорожек, витрины светятся электронной рекламой зеленых. Если выложить

недельную зарплату, можно за один час провести целый месяц в альтернативной реальности. Двое зеленоглазых коротышек плутоватого вида, с лысиной, утыканной металлическими шипами, и бегущей цифровой татуировкой подмигивают и приглашают в какой-то Осгилиат. Другие заведения предлагают банковские услуги, биомодификации и средства гигиены. Реклама сыплет цифрами и непонятными названиями. Такого столпотворения мне видеть еще не приходилось.

Розовые вывески борделей вновь заставляют меня краснеть. В открытых витринах стоят в соблазнительных позах женщины и мужчины, поигрывая электронными ценниками. Цифры меняются, учитывая спрос. Пышнотелая девица окликает меня хриплым чувственным шепотом, я отворачиваюсь. Помимо живых людей здесь стоят и машины, покрытые искусственной плотью, они дешевле. Под их призывное бормотание Танцор объясняет мне, как работают деньги. В Ликосе они не в ходу, хватает простого обмена на бухло и сигареты.

В городе есть всякие районы, в том числе и для высших цветов, куда остальным вход заказан, только по приглашениям. Попасть к золотым или медным – великая честь, зато любой медный может сколько угодно ошиваться в барах и борделях алых кварталов или торговаться на шумном базаре, в недра которого мы сейчас углубляемся.

В воздухе висит тяжелая смесь запахов человеческих тел, еды и автомобильных выхлопов. Среди тесных проулков и

проходов мне легче, чем на широких улицах, к открытым пространствам и звездам в высоком небе надо еще привыкнуть. В лабиринтах базара тоже горят фонари и мелькает реклама, но все равно царит сумрак. Толпа галдит и напирает со всех сторон, а неряшливые дома, ощетилившиеся балконами и связанные паутиной переходов, будто сходятся над головой. Здесь сыро и грязно и крабы почти не попадают. По словам Танцора, на базаре есть места, куда не стоит соваться даже черным.

– Чем больше людей, тем легче человечество раскалывается, – говорит он.

Странное ощущение, когда в толпе никто тебя не знает и никому нет дела до тебя. В Ликосе на каждом шагу сталкиваешься с теми, кто с тобой рос, с кем ты дрался, за кем ухаживал, а здесь кто-нибудь налетает на тебя в толпе и даже не думает извиняться. Не нравится мне город, одиноко тут как-то.

– Нам сюда. – Танцор показывает на низкий вход в каменной стене, над которым мерцает летящий электронный дракон.

Перед дверью высится массивный бурый страж с обонятельным имплантатом в носу. Приходится ждать, пока он обнюхает нас. Человек-гора, рядом с ним даже Танцор смотрится хиляком.

– Краска в волосах! – Страж кивает на меня. – Ржавье.

Из-за пояса у него торчит лучевик, в рукаве нож – это вид-

но по движениям руки. На порог выходит еще один бурый, у того в карих глазах мерцают рубиновые наносхемы.

– Что с ним? Хочет пройти? – Бугай сплевывает. – Хорош пляться, не то выну из тебя печенку да толкну на рынке.

Он думает, что я нарываюсь, но я всего лишь заинтересовался его рубинами. Чтобы успокоить, улыбаюсь и подмигиваю, как у нас принято, но он выхватывает нож. Видать, здесь и правила другие.

– Ну давай, давай! – шипит бугай. – Че, зассал?

– Нас ждет Микки, – перебивает Танцор.

Тот, что с носовыми имплантатами, замечает сухую руку Танцора.

– Не знаю я никакого Микки, убогий. – Оборачивается к другому. – А ты?

– Не-а, нет тут таких.

– Вот и славненько. – Танцор кладет руку на лучевик под полую куртку. – Раз не знаете, вам не придется объяснять Микки, почему его... щедрым друзьям не удалось с ним повидаться. – Он распахивает куртку, показывая знак на рукоятке – шлем Ареса.

– Черт! – Носатый опасливо сглатывает. Толкая друг друга, стражи поспешно открывают дверь. – П-попрошу сдать оружие.

– Обойдетесь.

Изнутри к нам кидаются еще трое, но Гармони в свою очередь распахивает куртку. К животу у нее примотана бомба,

в руке мигает детонатор.

Носатый снова сглатывает и кивает:

– Проходите.

В подвальчике висит клубами табачный дым. Пульсирующие фонари едва разгоняют сумрак – почти как в шахте. Резкая музыка бьет по ушам. Между столиками, где пьют и курят посетители, высятся огромные прозрачные цилиндры, в которых танцуют женщины. Одни извиваются в воде, непристойно виляя бедрами и перепончатыми ногами-лапами в такт музыке, другие кружатся в облаках золотой и серебряной краски.

В сопровождении бурых идем к дальнему столику, который переливается, как радужная поверхность воды. За столиком развалился тощий мужчина, с ним еще несколько странных существ, к которым я с изумлением приглядываюсь. Люди. Но сделаны как-то иначе. Вылеплены иначе. Девушка, с виду не старше Эо, смотрит на меня грустными изумрудными глазами, за спиной развернуты широкие белые крылья, совсем как у орла. Она словно вышла из кошмарного сна, только лучше бы оставалась там. Остальные – в том же роде, насколько позволяют рассмотреть дым и полумрак.

У Микки-ваятеля взгляд холодный и острый, как скальпель, и кривая улыбка. Иссиня-черные волосы свесились на сторону, словно нефтяная лужа разлилась по лицу. Вокруг левого глаза татуировка, знак артистической касты – аметистовая маска в дымных завитках. Другие знаки украшают за-

пьястья. Быстрые пальцы ловко перебирают электронный кубик-головоломку с меняющимися гранями. Все двенадцать пальцев у ваятеля нечеловечески тонкие и длинные. Потрясающе! В жизни не видал фиолетовых, даже по телевизору. Их еще меньше, чем белых.

– А, Танзор! – усмехается он, не поднимая глаз от своего кубика. – Сразу услышал, как ты волочишь ногу. – Он прищуривается, вертя головоломку в руках. – А Гармони учуял от самой двери... Бомба, кстати, так себе. Захочешь настоящего искусства, обращайся к Микки, солнышко.

– Мик. – Танзор подсаживается за столик рядом с крылатыми.

Гармони морщит нос. Похоже, ей уже нехорошо от дыма. Я-то привычный, и не таким приходилось дышать.

– Гармони, любовь моя, ты еще не бросила своего калекку? Поступай ко мне, а? – продолжает ворковать черноволосый. – Хочешь пару крылышек? Когти или хвостик? А может, рога, а? Ты будешь потрясно смотреться с рогами на моих шелковых простынях.

– Вылепи себе душу, тогда и поговорим.

– Ну, если душа бывает только у алых, я пас.

– Тогда к делу.

– Зачем же так сразу, дорогая? Беседа – тоже искусство, это как званый обед, каждому блюду свой черед.

Тонкие паучьи пальцы так и летают над кубиком, но все равно отстают от быстрого чередования частот. Ваятель так

ни разу и не поднял глаз.

– У нас к тебе предложение, Микки, – подает голос Танцор, с досадой поглядывая на головоломку.

Тот не реагирует, разве что кривая улыбка становится чуть шире. Танцор повторяет реплику.

– С места в карьер, убогий? – вздыхает фиолетовый. – Ладно, валяй предлагай.

Танцор щелчком выбивает кубик у него из рук. Сидящие за столом замирают. На фоне гремющей музыки слышен глухой ропот бурых за спиной. Я уже приравниваю, чтобы выхватить у ближайшего лучевик из кобуры, но ваятель медленно поднимает взгляд и разряжает напряжение кривой улыбкой:

– Так чего тебе надо, мой друг?

Танцор кивает Гармони, и та кладет на стол небольшую коробочку. Микки вертит ее в руках.

– Подарок? Ах, не стоило... Впрочем, дешевка. До чего же вы, алые, падки на безвкусицу. – Он открывает крышку, заглядывает внутрь – и отшатывается, выкатив глаза в неподдельном ужасе. – Идиоты, мать вашу... Что это?!

– Ты знаешь, – спокойно отвечает Танцор.

Ваятель захлопывает коробочку, подается вперед и шипит, опасливо оглядываясь на своих прихлебателей, которые тарачатся с любопытством, ничего не понимая.

– Какого черта ты приволок это сюда? Где ты их взял, придурок? Совсем свихнулся?

– Свихнулся? Ты знаешь, мы все маньяки своего дела, – ухмыляется Танцор. – Поставишь их на место? Это срочно.

– На место? – Ваятель истерически хихикает.

– Ему, – поясняет Танцор, кивая на меня.

– Вон! – орет фиолетовый, обводя бешеным взглядом сидящих за столом. – Все вон, я сказал! Живо отсюда... уроды! – Дождавшись, когда они уйдут, он снова открывает крышку и вытряхивает содержимое на стол.

Золотые крылья, знак высшей касты.

Танцор кивает:

– Мы хотим, чтобы ты сделал этого парня золотым.

Материал

– Да вы совсем рехнулись!

– Спасибо, – улыбается Гармони.

– Может, ты оговорился?

– Ты получишь от Ареса больше денег, чем когда-либо держал в руках, – спокойно произносит Танцор, – если сможешь поставить эти знаки нашему юному другу.

– Невозможно. – Микки словно впервые замечает меня. Окидывает взглядом с головы до ног и презрительно кривится. Понятное дело. Это у нас в шахтах я красавец, сильный и мускулистый, а здесь – всего-навсего бледный костлявый юнец, весь в шрамах. Он сплевывает на стол и повторяет: – Невозможно!

Гармони пожимает плечами:

– Такое делали раньше, Микки.

– Кто, скажите, пожалуйста? – злобно вскидывается он. – Нет, меня вам не провести.

– Так, один гений, – язвит она.

– Не-воз-мож-но! – Ваятель снова подается вперед, на узком гладком лице ни морщинки. – Знак сочетается с ДНК – вы хоть представляете, что это такое? А вам известно, что у всех золотых подкожные метки на черепе? Да откуда вам знать... Кристаллосхемы идентификации вживляются в

кору головного мозга – синаптическая связь, молекулярное взаимодействие! Приборы не обманешь, а травма нарушит ассоциативное мышление... В бюро стандартов тоже не дураки сидят. И потом, даже если мы и справимся с физиологией, как сделать его умнее? Из мыши никогда не получится лев!

– Из него получится, – спокойно заверяет Танцор. – Так или иначе, Арес хочет, чтобы ты это сделал.

– Арес, Арес... твердишь как попугай. Мало ли что хочет Арес! Он ни черта не смыслит в науках. И по физическим, и по интеллектуальным параметрам твой парень годится разве что в посудомойки! Он просто-напросто принадлежит к другому виду. Он ржавый!

– Я проходчик из Ликоса! – вставляю я.

Ваятель поднимает брови:

– Ого! Проходчик? Тушите свет! – Выражение на лице издевательское, но в прищуренных фиалковых глазах мелькает искорка узнавания. Ну да, запись порки шла по всем каналам, многие видели. Узнают ли меня потом, если все удастся? Да я сам себя небось не узнаю. – Будь я проклят! – пораженно восклицает он.

– Узнал, стало быть.

Он вынимает планшет, находит запись и гоняет туда-сюда, поглядывая на меня.

– Разве вас с подружкой не повесили?

– С женой!

У ваятеля на скулах играют желваки.

– Мессию готовите? Ах вы, сукины дети! – Он злобно тычет пальцем в Танцора. – Решил сваять себе спасителя на досуге?

Под таким углом я на это дело не смотрел. По спине бегут мурашки.

– Да, – кивает Танцор.

– А если станет золотым, что дальше?

– Поступит в училище, выйдет в нобили, станет претором, легатом, политиком, квестором... Кем угодно – чем выше, тем лучше. Будет работать на Ареса во имя общего дела.

– Вашу ж мать! – Фиолетовый переводит изумленный взгляд с Танцора на Гармони. – Так вам требуется настоящий аурей, не бронза?

Я уже знаю, что бронзовыми называют второсортных золотых с подпорченной родословной и посредственными способностями.

– Вот именно, – кивает Танцор.

– И не эльф?

– На что нам золоченое отребье, которое шатается по ночным клубам и обжирается икрой? Он будет командовать флотами!

– Флотами?.. И впрямь рехнулись. – Фиалковые глаза впиваются в мое лицо. – Парень, пойми, тебя посылают на верную смерть! Ты не золотой и никогда не сможешь стать таким, как ауреи – убийцы, рожденные повелевать. Красивые и

благородные они только с виду, а ты знаешь, что учиняли эти монстры во времена Покорения? – Ваятель криво усмехается, качая головой. – Думаешь, их военное училище – просто школа? Это площадка для выбраковки, где режут друг друга, чтобы выжил сильнейший. Ты. Не. Выживешь!

Электронный кубик откатился на другой конец стола. Не говоря ни слова, подхожу и беру его. Не знаю, как он устроен, но подземные головоломки мне приходилось решать не раз.

– Что ты затеял, мальчик? – жалостливо вздыхает Микки-ваятель. – Это не игрушка.

– Ты в шахте бывал? – спрашиваю. – Приходилось работать пальцами и одновременно считать в уме, чтобы пройти линию разлома под углом двенадцать градусов, удержать восемьдесят процентов мощности вращения и пятьдесят пять процентов усилия подачи и не вскрыть случайно газовый карман, при этом сидя в собственной моче и не забывая о рудничных гадюках, которые так и норовят прогрызть тебе брюхо и отложить яйца в кишках?

– Но это...

Он умолкает, видя скорость моих пальцев, натренированных манипуляторами проходческого агрегата, и отточенность движений рук, вбитую дядькиными уроками танца. Верчу кубик и мычу себе под нос. Пару минут приходится подумать, но потом с модуляцией частот все становится ясно. На следующем уровне добавляются математические задачи, я не до конца понимаю, но общая логика везде одна и

та же. Прохожу третий, четвертый, пятый... Игрушка в последний раз меняет форму в моих руках, превращаясь в шар. Глаза у ваятеля лезут на лоб. Как зачарованный, он смотрит на мои пальцы, машинально перебирая своими двенадцатью. Я бросаю игрушку обратно ему.

– Невозможно! – выдыхает Микки.

– Эволюция, – отвечает Гармони.

Танцор самодовольно ухмыляется:

– Ну что, обсудим цену?

Превращение

Жизнь становится для меня пыткой.

Знаки уже заняли свое место на запястьях. Ваятель удалил старые и нарастил на месте ран новую костную ткань, плоть и кожу. Потом занялся подключением краденой кристаллосхемы к лобной доле головного мозга. Мне сказали, что во время операции остановилось сердце и его пришлось перезапускать. Так я воскрес во второй раз. В коме пролежал две недели, но для меня это было прекрасным сном. Мы были в долине с Эо, она целовала меня в лоб... Но в конце концов пришлось проснуться. Боль вернулась.

Лежу в постели, Микки гоняет меня по тестам. Сортирую цветные шарики по коробкам. Время тянется невыносимо медленно.

– Формируем синапсы, солнышко, – объясняет он.

Подсовывает одну за другой головоломки, потом очередь доходит до кроссвордов, но читаю я плохо, это не математика. Ваятель хихикает:

– Перед поступлением в училище чтение придется подтянуть.

Просыпаться мучительно. В моих снах Эо утешает меня, но после пробуждения остается лишь мимолетным воспоминанием, и пустоту внутри нечем заполнить. Вокруг белые

стены, рядом жужжит антибактериальный ионизатор, изда- лека доносится биение музыки из клуба. Девушки Микки меняют мне подгузники и опорожняют мочеприемник. Та, что с белыми крыльями, моет меня три раза в день. Руки у нее мягкие и нежные, а лицо такое же грустное, как тогда за радужным столиком в подвале. Крылья за спиной подвязаны малиновой лентой. Она всегда молчит и отводит глаза.

Пока настраиваются синаптические связи в мозгу, ваятель убирает рубцы на голове, оставшиеся от операции. Микки в хорошем настроении, так и светится улыбкой. Ласково прикасается ко лбу, зовет солнышком. Я чувствую себя одним из ангелочков, которых он лепит для собственного удовольствия.

– Только одного мозга мало, солнышко, – говорит он, – впереди еще масса работы с твоим ржавым телом, если мы хотим превратить его в золото и сталь.

– Сталь?

– Предки золотых называли себя стальными. Это была особая порода. Поджарые и свирепые, они стояли на палубах своих крейсеров, наводя ужас на республиканские земные флоты и армии. Да, уникальная порода. – Микки задумчиво смотрит сквозь меня. – Понадобились поколения отбора – егеника, биомодификации... Форсированный дарвинизм. – Его взгляд мрачнеет. – Они уверяют, что ваятелям никогда не удастся воспроизвести совершенную красоту золотого человека. Бюро стандартов смотрит на нас свысока. Только за-

чем нам человек, солнышко? Люди бренны, люди смертны... Я всегда мечтал создать бога! – Он снова хихикает, набирая что-то на планшете, потом показывает рисунок мне. – Так почему бы мне не вылепить из тебя бога войны?

Лазер срезал шрамы с моей спины вместе с кожей, после чего подкожную поверхность засеяли биокультурами, выращенными в лаборатории из моих собственных клеток, и облучают в специальном режиме, чтобы ускорить формирование молекулярных связей. Новая плоть растет как отдельное живое существо, вызывая в спине дьявольский зуд. Ваятель работает не только над спиной, но и над руками, удаляя шрамы и ожоги. По его словам, пока растет не настоящая кожа, а только подложка для нее. И это еще далеко не все.

– Твой скелет слабоват, птенчик, – объясняет он, – потому что гравитация на Марсе втрое меньше земной, а кроме того, в твоём рационе не хватало кальция. Между тем плотность костной ткани золотого стандарта в пять раз выше средней по Земле. Поэтому твои кости должны стать вшестеро прочнее! Чтобы выжить в училище, надо быть из стали. Будет весело! Мне, а не тебе.

Он снова меня режет. Мои мучения трудно описать словами. Отходя после очередной операции, я смотрю видео, чтобы отвлечься от боли. Вскрыв ногу виброскальпелем, ваятель раздвигает кожу и мышцы, обнажая бедренную и прочие кости, затем удаляет костную ткань слой за слоем и заменяет улучшенным составом.

– Приходится ставить точки над «i», которые пропустил Господь, – усмехается он.

На следующий день Микки вскрывает мне руки. Дальше – очередь ребер, позвоночника, плеч, ступней, таза... Работает ваятель и над моим лицом. Повышает прочность и упругость сухожилий, вводит специальные биокультуры для улучшения мышечной ткани. К счастью, после этой операции он милосердно позволил мне проспать несколько недель. Очнувшись, вижу, как ангелочки прилежно трудятся над моими мышцами, делая массаж и непонятные инъекции.

Кожа начинает подживать. Мое тело теперь как лоскутное одеяло. Напичканный синтетическими протеинами, креатином и гормонами роста для ускорения регенерации мышц и сухожилий, я дрожу и обливаюсь потом по ночам, мучаясь от зуда и привыкая к новой матовой гладкой коже с узкими порами. Даже обезболивающие в достаточных дозах мне не дают, потому что модифицированные нервы должны научиться взаимодействовать с новыми тканями и измененным мозгом, нельзя им мешать.

Когда мне совсем плохо, Микки сидит рядом и рассказывает что-нибудь интересное. В эти минуты он уже не кажется кровожадным монстром, и я, пусть и ненадолго, проникаюсь к нему симпатией.

– Моя профессия – творить, птенчик, – задумчиво произносит он в полумраке. Синий свет пляшет по моему телу, отбрасывая на лица злоеущие тени. – Я вырос в Роше, где

жили артисты и циркачи. Каждую ночь там ставили спектакли, устраивали красочные карнавалы и праздники с музыкой и танцами.

– Звучит ужасно, – бормочу я саркастически, – куда там нашим шахтам.

Ваятель мягко улыбается, его взгляд обращен в прошлое.

– Тебе такая жизнь кажется роскошью, но все не так просто. В Роще правили свихнувшиеся фанатики. Нам давали особые конфеты, от которых низвергаешься в ад или воспаряешь к небесам, и таблетки, после которых летаешь с планеты на планету на звездных крыльях, беседуешь со сказочными королями Юпитера и nereидами в таинственных океанских глубинах Европы. Странствиям не было конца, и так все детство и юность. Вокруг меня шумел веселый праздник, а я пускал слюни на травке, позволив своему разуму блуждать в неведомых краях, и этому безумию не было конца. – Микки вздыхает, потирая руки. – И вот теперь я ваяю то, что увидел в своих лихорадочных снах. Мне кажется, я и тебя встречал в одном из своих видений. Боюсь, когда-нибудь они пожалеют, что позволили мне мечтать.

– Хороший был сон?

– Какой?

– Тот, что со мной.

– Нет, наоборот, кошмар. О человеке из ада, повелителе огня.

Оба молчим, задумавшись.

– Почему все так плохо, Микки? – спрашиваю я. – Жизнь. Вот это все. Зачем они заставляют нас делать все это? Обращаются с нами как с рабами?

– Власть.

– Это всего лишь слово.

Поразмыслив, ваятель пожимает тощими плечами:

– Золотые говорят, человек всегда был рабом. Свобода тоже порабощает, заставляет служить собственной похоти и жадности. Вместо свободы мне достались видения и творчество, а тебе – самоотверженный труд, верность семье и клану, ощущение цели. Сообщество стабильно: мир не знает ни голода, ни больших войн. Даже когда ауреи дерутся друг с другом, они соблюдают кодекс воина, проявляют... ну, даже благородство.

– Благородство? А как же «первопроходцы», «пионеры освоения космоса»? Они врут нам!

– Думаешь, знание того, что ты раб, сделало бы тебя счастливее? Вряд ли. Ни один из миллиарда кротов, живущих под поверхностью Марса, не стал бы счастливее, знай он то, что известно здешним алым. Так не лучше ли солгать?

– Лучше отменить рабство.

Мое новое тело готово, и в камере для сна установили генератор поля, имитирующий повышенную гравитацию. Такой боли я еще не испытывал. Все тело горит и ноет, свежесвыращенные кости и мышцы буквально вопят от напряжения, так что приходится все-таки дать мне обезболивающее,

чтобы вопль превратился хотя бы в стон.

Я сплю целыми днями и вижу во сне свой дом и родных, но каждую ночь просыпаюсь в холодном поту, снова и снова переживая казнь жены. Ее образ не отпускает. Даже когда лежу в видеомаске и смотрю развлекательные передачи, мне не хватает тепла моей Эо под боком.

Дозы обезболивающего день за днем снижают, но мышцы пока еще не привыкли к более плотным костям, и боль – моя постоянная спутница. Зато начали давать нормальную пищу. Микки по-прежнему сидит по ночам рядом, рассказывает что-нибудь, гладит по голове. Пускай его пальцы похожи на паучьи лапы, пускай привязанность его, скорее, хозяйская, как к произведению искусства, мне все равно. Принес мне гамбургер, я раньше не пробовал – очень вкусно. Дают много мяса с разными соусами, булочки, фрукты и овощи. Никогда в жизни так не обжирался.

– Тебе нужны калории, – заботливо объясняет Микки. – Ты так хорошо себя вел, теперь наслаждайся, заслужил.

– Как у меня дела?

– Самое трудное позади, солнышко. Ты у нас молодец. Я смотрел записи прошлых попыток, это просто слезы. Ваятели бездарные, материал никакой... Ты сильнее всех, а я всех гениальнее. – Он похлопывает меня по груди. – У тебя, солнышко, сердце как у жеребца. Первый раз вижу такое. В детстве тебя укусила змея, верно?

– Да.

– Так я и думал. Сердцу пришлось приспособиться, чтобы компенсировать действие яда.

– Мой дядя высосал тогда весь яд.

Микки смеется:

– Да ну, сказки все это. Змеиный яд невозможно высосать весь, он до сих пор у тебя в крови и заставляет сердце быть сильным, чтобы жить. Ты у нас особенный, такой же феномен, как я.

– Значит, я не умру? – спрашиваю робко.

– Нет-нет, что ты! Бояться больше нечего. Поболит еще, конечно, тут никуда не денешься, но риска для жизни никакого. Скоро начнем делать из тебя бога. Был алым, станешь золотым – жена родная не узнает.

Этого-то я и боюсь.

Когда мои глаза вынули и заменили золотыми, я совсем приуныл. По словам Микки, плевое дело – подключить зрительный нерв к донорскому глазу, он десятки раз это проделывал в косметических целях. Операция на лобных долях куда тяжелее. Я с ним не согласен, и дело вовсе не в боли. Новые глаза видят то, чего я не мог разглядеть прежде. Детали стали яснее и четче, а потому воспринимаются болезненнее – как последний и решающий аргумент, который доказывает врожденное превосходство золотых. Мне пришлось пройти через настоящий ад, чтобы сравняться с ними по физическим данным, исправить неряшливую работу природы. Неудивительно, что они превратили нас в рабов.

Все, все тут не мое! Кожа слишком нежная и гладкая, ни единого шрама – я не помню ее такой. Мне незнаком даже вид собственных ладоней. Как меня узнает Эо, если я сам себя не узнаю?

После глаз ваятель приступает к волосам. Все меняется.

Потом настает очередь физиотерапии. Вначале я просто медленно хожу по комнате под руку с белокрылой Эви. Мы молчим, каждый занят своими мыслями, у каждого свои воспоминания и страхи. Тишину нарушает только Микки, когда навещает меня. Никогда не упускает случая пошутить о том, каких очаровательных детишек мы бы с ней нарожали.

Однажды Микки даже притащил с собой цитру, старинную и дорогую, с деревянной, а не пластиковой декой. Я был рад, и хотя петь не стал, сыграл несколько печальных песен, которые знают и поют только у нас в Ликосе. Они с Эви слушали, и мне показалось, что ваятель, хоть это на него и не похоже, понимает и такую музыку, ее красоту и важность. Микки ничего не сказал, но спокойное выражение его лица, когда он сидел и слушал, мне понравилось.

* * *

Просыпаюсь как-то утром и слышу голос Гармони.

– А ты покрепче, чем я поначалу думала.

– Где ты пропадала? – спрашиваю, открывая глаза.

Она вздрагивает от моего золотого взгляда.

– Искала доноров... Полагаешь, мир должен остановиться, если ты валяешься здесь? У нас было полно работы. Микки сказал, ты уже можешь ходить?

– Я становлюсь сильнее день ото дня.

– Но пока ты недостаточно силен, – хмыкает она, меряя меня взглядом. – Смахиваешь на жирафа-сосунка... но я тобой займусь.

Мы спускаемся через клуб в грязноватый гимнастический зал, тускло освещенный серными лампами. Каменные плиты пола приятно холодят босые ноги. Иду уверенно, голова больше не кружится, и это хорошо, потому что Гармони не берет меня под руку, а вместо этого указывает куда-то в центр зала.

– Специально для тебя купили, – говорит она, показывая на два странных серебристых устройства. Они висят в окружении металлических проводов и похожи на доспехи, которые носили рыцари древних времен. – Это концентраторы мышечной тяги.

Залезаю в один из комплектов. Сухой гель плотно обволакивает ноги, торс, руки и шею, оставляя свободной лишь голову. Устройство очень чувствительно, его задача – сопротивляться моим движениям, вызывая напряжение мышц. Вообще, эффект силовых упражнений достигается за счет появления микроскопических разрывов в мышечной ткани, в ходе заживления которых мышцы и растут. Отсюда и боль, которая держится день-другой после интенсивной трениров-

ки. Концентратор предназначен для того, чтобы ускорять процесс, а придумал эту машину, вероятно, сам дьявол.

Гармони опускает лицевой щиток мне на глаза.

Мое тело по-прежнему находится в зале, но я вижу вокруг скалистый марсианский пейзаж. Я бегаю и прыгаю день за днем, преодолевая сопротивление машины, которое нарастает не только в зависимости от воспроизводимой ситуации, но и по желанию Гармони. Выбрать можно и другую местность – земные джунгли, где я соревнуюсь в беге с пантерами, или изрытую кратерами поверхность древней Луны, еще до освоения человеком. Однако меня неизменно тянет домой на Марс с его красными скалами и опасными ущельями. Иногда Гармони надевает другой костюм и мы бегаем наперегонки.

Она не жалеет меня – такое впечатление, что хочет загнать насмерть, – но я не сдаюсь.

– Если тебя не тошнит во время тренировки, значит недостаточно стараешься, – смеется она.

После такой беготни болит все тело от головы до пяток. Девушки Микки делают мне массаж каждый день. Несмотря на усталость, получаю массу удовольствия, но когда просыпаюсь три дня спустя, меня выворачивает наизнанку. Зажмурив глаза, тряусь в ознобе, слушая поток ругани за дверью.

– Надо все делать по науке, злобная ты ведьма! – орет Микки. – Он станет шедевром моего искусства, но только если ты не смажешь краску на холсте, пока она не высохла.

Не порть мою работу!

– Он должен стать совершенным! – парирует Гармони. – Скажи, Танцор! Если он покажет слабость хоть в чем-то, в училище его раздавят, как клопа.

– Это ты хочешь его раздавить! – вопит Микки. – Ты его портишь! Его организм еще не готов к таким нагрузкам.

– Он не возражал.

– Потому что не знает, что может возражать! Танцор, она же понятия не имеет о биомеханике, запрети ей трогать моего парня!

– Это с каких пор он твой? – смеется Гармони.

Микки говорит уже спокойнее:

– Танцор, послушай, Дэрроу сейчас – как призовой жеребец из тех, что были на Земле. Красавец, способный скакать сколь угодно быстро, только погоняй. Быстрее, еще быстрее – пока не разорвется сердце и он не упадет замертво.

После долгой паузы раздается голос Танцора:

– Арес, помню, как-то сказал: чем жарче огонь, тем крепче сталь. Гоняйте парня.

Забыв про тошноту, чувствую вскипающий гнев. Микки сомневается в моей силе? Ну-ну. Да и Танцор напрасно считает меня своим послушным орудием. На Гармони я не сержусь. В ее голосе, в глазах я ощущаю родственную душу. Она тоже кого-то потеряла, это читается на здоровой половине лица. Она не интриганка, как Танцор и его хозяин Арес, и гнев нас переполняет одинаково, делая все прочее мелким и

незначительным.

В эту ночь меня душат слезы.

В последующие несколько дней меня накачивают лекарствами, чтобы ускорить белковый синтез и регенерацию тканей. Когда мышцы достаточно восстанавливаются, тренировки возобновляются, и гоняют меня еще больше, чем прежде. Даже ваятель не возражает, хотя его узкое лицо осунулось от беспокойства, а под глазами темные круги. Вообще, в последнее время он как-то отстранился, больше не рассказывает свои истории – такое впечатление, что, глядя на меня, сам побаивается своего шедевра.

С Гармони мы почти не разговариваем, но отношения неуловимо изменились, появился хотя бы намек на взаимопонимание. Мы чувствуем внутреннее родство, однако я с каждым днем крепну, и она все больше отстает, хоть и сама не из слабых, выросла в шахте. И это всего после двух недель тренировок. Дистанция между нашими возможностями продолжает расти. Спустя месяц Гармони уже кажется мне ребенком, но я не останавливаюсь на достигнутом.

Мое тело начинает меняться. Я раздаюсь вширь, мышцы бугрятся, накачанные в концентраторе тяги, к которому добавились упражнения с грузами в камере высокой гравитации. Вначале было ощущение, что меня сейчас раздавит, я едва мог перенести гири из одного конца комнаты в другой, но освоился очень быстро. Плечи стали шире, резче обозначились сухожилия, торс обвит тугими канатами мышц, как

броней. Руки всегда были моей гордостью, но после концентратора сила их еще больше возросла. Я могу раздробить камень, просто сжав в кулаке. Микки аж подпрыгнул, когда это увидел. Никто больше не решается обменяться со мной рукопожатием.

Сплю я тоже в высокой гравитации и, когда бегаю по Марсу, чувствую себя быстрым и легким, как никогда прежде. В мышечных тканях активно формируются быстросокращающиеся волокна, и мои руки движутся с быстротой молнии. Боксерская груша, имитирующая человеческое тело, отлетает от моих кулаков, как от пушечного выстрела. Я могу пробить ее насквозь.

Теперь у меня тело, как у золотых высшей пробы, далеко превосходящих второсортную бронзу и изнеженных эльфов. Это раса покорителей Солнечной системы. И главное мое оружие – руки. На вид они такие же, как у любого аурея, – гладкие, совершенной формы, загорелые, – но их мощь непропорционально велика. Если я нож, то руки – его острие.

Совершенствуется не только мое тело. Перед сном я выпиваю бокал тоника с мозговыми стимуляторами и ставлю на скоростное прослушивание учебные тексты по литературе, юриспруденции, истории. У меня в памяти «Цвета», «Илиада» и «Одиссея», «Метаморфозы» и «Царь Эдип» с «Антигоной», «Дракониды», и даже запрещенные для низших «Граф Монте-Кристо», «Повелитель мух», «Исповедь леди

Кастерли», «1984» и «Великий Гэтсби».

Минуло два месяца с последней операции, и вот наступил последний мой день у Микки. В клубе гремит музыка, танцовщицы в ударе. Проводив меня после тренировки, Гармони улыбается:

– Сейчас принесу тебе костюм, Дэрроу. Мы с Танцором хотим устроить торжественный обед в твою честь. Эви поможет тебе привести себя в порядок.

Как всегда, сегодня Эви спокойна и бледна, как снег, который показывали по телеку. Смотрю на ее лицо в зеркале, пока она подстригает мне волосы. В свете единственной лампы над зеркалом она и впрямь похожа на ангела, чистого и невинного, но это совсем не так. Эви принадлежит к касте розовых, созданной для интимных услуг, для них совершенная грудь, соблазнительные бедра и чувственные губы – рабочий инструмент. Все так, но Эви еще не утратила искру юности, и ее красота заставляет мое сердце сжиматься. Я вспоминаю другую, столь же юную и прекрасную, которую я не смог защитить.

А я? На собственное отражение в зеркале не хочется смотреть. Так, наверное, должен выглядеть сам дьявол – олицетворение надменности и жестокости. Один из таких убил мою жену. Я золотой. И такой же, как золото, холодный.

Глаза сверкают золотом, кожа гладкая и матовая, кости и мышцы как у льва. Покончив с прической, Эви отходит на шаг и оценивает свою работу. Я чувствую ее страх. Мне и са-

мому страшно. Я больше не человек – больше, чем человек.

– Ты красивый, – произносит она, осторожно касаясь золотых крыльев у меня на запястьях. У нее за спиной похожие, только намного больше. В центре круг, крылья обвивают запястье, изогнутые, как тот серп жнеца на карте Танцора.

Какими уродливыми, должно быть, ей кажутся эти белые перья на лопатках, как она, должно быть, их ненавидит. Хочется сказать что-то доброе, утешить девушку, заставить улыбнуться. Сказать, что красивая? Она столько раз слышала это, что не поверит, тем более такому, как я. Да и я ей не верю. Красивой была Эо. Как она танцевала тогда в таверне, румяная, полная жизни! Настоящую живую красоту может создать только природа, а золотых ваяли люди по своим примитивным меркам.

Эви целует меня в лоб на прощанье и исчезает. Я и не заметил, когда она успела сунуть мне в нагрудный карман перо из своего крыла.

Уныло смотрю в зеркало, где мерцает отражение видеоскрена в углу. Передачи надоели, историю Сообщества я давно изучил и узнаю с каждым днем все больше. Мне страсть как надоело сидеть в четырех стенах, слушая бесконечное биение музыки в клубе и нюхая мятный дым сигарет Микки. Я устал смотреть на несчастных девиц, которых он приводит одну за другой, чтобы потом продать подороже, от их пустых глаз, в которых растет безнадежность. Это место совсем не похоже на Ликос. Здесь нет любви, нет семьи, нет

веры, только боль и мрак.

Ваятель стоит в дверях.

– Мальчик мой, ты прямо капитан звездного флота! – Он подходит сзади, обдавая меня запахом табака, ловко выхватывает перо Эви из кармана и задумчиво вертит в паучьих пальцах. – Обожаю крылышки... а ты? – Щекочет кончиком пера мои золотые знаки. – Человечество украшает ими свои лучшие творения!

Продолжаю молча смотреть в зеркало. Микки обходит меня и по-хозяйски кладет руки мне на плечи. Смотрит поверх головы, опершись на нее подбородком, как будто я его собственность. Легко понять, о чем он думает. Левой рукой я трогаю золотой знак на правой.

– Я был уверен, что ты справишься, – кивает Микки. – Пора вылететь из гнезда.

– Ты и девушкам своим даешь крылья, но летать не позволяешь.

Он огорченно разводит руками:

– Они не могут летать, солнышко. Они простые создания, не то что ты, а лицензия на гравирботы мне не по средствам. Их дело – танцевать... Зато ты у нас полетишь далеко, правда, мой мальчик?

Я молчу. Микки улыбается растерянно и немного нервно.

– Ты меня боишься, – спокойно говорю я.

Микки смеется:

– Разве? Ого! Разве, солнышко?

– Боишься. Потому что думаешь, как все они. – Киваю на отражение видео в зеркале. – Порядок высечен в камне, иерархия священна. Ржавье внизу, остальные стоят на наших спинах. Теперь смотришь на меня и понимаешь, что быть ниже всех нам ни хрена не нравится. Алые поднимаются, Микки.

– О, вам предстоит долгий путь...

Не оборачиваясь, беру его за руки. Вырваться из хватки проходчика нечего и думать. Фиалковые глаза встречают мой золотой взгляд. В них трепещет первобытный ужас. Улыбаюсь, чуя запах страха. Так лев смотрит на мышь, загнанную в угол.

– Будь добрее к Эви, Микки. Не заставляй танцевать. Пусть ей будет хорошо, иначе я вернусь и оторву тебе руки.

13

Зло

Маттео – тонкий, как тростинка, с обольстительным изящным личиком. Розовый. Раб для плотских утех, а может, бывший раб. Тем не менее Маттео держится как владетельный лорд – достоинство в каждом шаге, грация и манеры в любом жесте. Не расстается с перчатками, морщит точеный носик при малейших признаках грязи. Культ тела – главное в его жизни, и поэтому Маттео нисколько не смущается, помогая мне обмазывать жидким эпилятором руки, ноги, живот и промежность. Зато смущаюсь я, и вскоре чертыхаемся мы оба: я – от мерзкого зуда, а он – держась за выбитое плечо. Слегка отпихнул его, всего-навсего. До чего же они хрупкие, эти розовые. Если он – роза, то я шипы.

Маттео удовлетворенно оглядывает меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.